

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 4 / 2017

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кулафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Мельников С.А., д.ю.н.;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Границы и их охрана: территория и закон

- Ромашов Р.А.** Цифровое государство (digital state) — новый тип государства или форма глобального мирового порядка? 3
- Харченко А.В.** О применении указа от 9 февраля 1710 г. о решении поместных и вотчинных дел в губерниях 11
- Ляпустин С.Н.** Вопросы историографии борьбы таможенных органов с контрабандой на Дальнем Востоке России в период с 1917 по 1925 г. 15
- Шныров А.Е.** Деятельность петроградской охранной команды охранного отделения Российской империи в годы Первой мировой войны 20
- Яковец Е.Н.** Деятельность по обеспечению информационной безопасности страны в период распада СССР 25

Социальные аспекты правового регулирования

- Исаев И.А.** Политический миф и насилие 30
- Сова Н.И.** Правовое положение Министерства финансов Российской империи в контрольно-ревизионной деятельности в период правления Николая I 39
- Харьков В.Н.** История становления конституционного статуса земель и иных природных ресурсов в Советской и современной России 44
- Плоцкая О.А., Полушина В.О.** Обычное промысловое право у коми-ижемцев как гарант соблюдения эко-баланса в ретроспективе и в современности 49
- Мачучина О.А.** Генезис и развитие института примирения как способа разрешения конфликтов в обществе. Основные этапы 54
- Колоколов Н.А.** Об истоках правосудия на Руси 59

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 24.01.2017

Номер вышел в свет 09.03.2017

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 4 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Borders and their Protection: Territory and the Law

- Romashov R.A.* Digital State — a New Type
of State or the Form of Global Order..... 3
- Kharchenko A.V.* Application of the Decree
of February 9, 1710 on Solution of Local
and Manorial Cases in Provinces 11
- Lyapustin S.N.* Historiography of Smuggling Control
by Customs Authorities in the Russian Far East
in the Period from 1917 to 1925 15
- Shnyrov A.E.* Activities of the Petrograd Security
Team of the Secret Police Department
of the Russian Empire during the First World War..... 20
- Yakovets E.N.* Provision of Country Information
Security during the Collapse of the USSR 25

Social Aspects of Legal Regulation

- Isaev I.A.* Political Myth and Violence..... 30
- Sova N.I.* Legal Status of the Ministry of Finance
of the Russian Empire when Conducting Control
and Audit Activities in the Reign of Nicholas I..... 39
- Kharkov V.N.* Background of Formation
of Constitutional Status of Lands and
other Natural Resources in the Soviet
and Modern Russia 44
- Plotskaya O.A., Polushina V.O.* Customary Fishing
Right of the Izhma Komi as a Guarantor
of Ecological Balance in Retrospect and in the Present 49
- Machuchina O.A.* Origin and Development
of the Institute of Reconciliation as a Way
of Social Conflict Resolution. Main Stages 54
- Kolokolov N.A.* On the origins of justice in Russia..... 59

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 25.01.2017
Issue was published 09.03.2017

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Цифровое государство (digital state) — новый тип государства или форма глобального мирового порядка?

*Ромашов Роман Анатольевич,
начальник управления по работе с персоналом ООО «Газпром межрегионгаз»,
профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
romashov_tgp@mail.ru*

Анализ соотношения понятий государство и state позволяет говорить о них как о взаимосвязанных, но не тождественных категориях. Государство — state представляет собой нормативный порядок организации общества и управления им, основанный на различных технологических конструкциях (волюнтаризме, праве, цифровой кодировке). Осуществляется критический анализ традиционной формационной теории типологии государства и предлагается альтернативная концепция универсального типа. Определяется место и роль системы Интернет в политико-правовой системе современного государства. Предлагается гипотеза цифрового государства (digital state) как формы постгосударственного мирового порядка.

Ключевые слова: государство, state, правовое государство, state of law, государственная бюрократия, суверен, государственный суверенитет, типология государства, общественно-экономическая формация, территориальное государство, национально-территориальное государство, индустриальное государство, постиндустриальное государство, цифровое государство, digital state, интернет, правовое регулирование, правовое сорегулирование.

Digital State — a New Type of State or the Form of Global Order

*Romashov Roman A.,
Head of the Human Resources Department of Gazprom Mezhrefiongaz, LLC
Professor of the Department of Legal and Law Enforcement Theory
of the Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation*

Analysis of the relationship between the concepts of the government and the state allows us to speak of them as interrelated, but not identical categories. The state involves normative order of social organization and management, based on different constructions (voluntarism, law, digital encoding). The author performs the critical analysis of the conventional formation theory of the state typology and offers an alternative universal concept. He also determines the place and role of the Internet in political and legal system of a modern state, makes a hypothesis of digital state as the form of post-state global order.

Key words: state, state of law, state bureaucracy, sovereign, state sovereignty, state typology, socio-economic formation, territorial state, national territorial state, industrial state, post-industrial state, digital state, Internet, legal regulation, legal co-regulation.

1. Государство — state: к вопросу о терминах

Все имеющиеся представления, связанные с внешним образом (формой) и сущностью государства как социально-политического явления, могут быть сведены в две концепции: организационную и функциональную.

В рамках организационной концепции государство представляет собой форму социальной организации. По мнению В.Е. Чиркина, отражающему достаточно традиционную для социально-политической и юридической науки точку

зрения, государство — это особая, универсальная для данного общества организация, обладающая уникальной властью (публичной, государственной властью) и специализированным аппаратом управления обществом. Будучи неотъемлемой частью общества на протяжении многих тысячелетий, государство выполняет всеобъемлющие регулятивные (а именно управленческие) функции по отношению к нему¹.

¹ См.: Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственоведения. М., 1997. С. 7.

На наш взгляд, целесообразно рассмотреть организационную концепцию понимания государства в широком и узком смыслах.

В широком смысле государство есть *ограниченное географическими пределами (границами) политически организованное общество граждан (подданных)*. При этом в качестве основных структурных элементов государства выступают социальные организации, осуществляющие управление (органы государственной власти); организации, обеспечивающие управленческий процесс (материальные придатки государства — силовые структуры: полиция, армия, органы государственной безопасности; государственные учреждения, осуществляющие деятельность в сфере науки, образования, медицины, социального обеспечения и т.п.); организации, являющиеся объектом управленческого воздействия (семейные и профессиональные союзы, корпорации, осуществляющие хозяйственную деятельность, и т.п.).

В узком смысле государство отождествляется с *аппаратом государственной власти (бюрократией), силовыми, судебными и контрольно-надзорными структурами, при помощи которых осуществляется легальное государственное принуждение*. Соответственно, если брать за основу узкий подход, то получается, что в пределах географической территории страны, задающей пространственные масштабы государственной юрисдикции, существуют и определенным образом взаимодействуют государство — аппарат (инструмент) публичной политической власти и народ — объект властного воздействия.

Функциональная концепция понимания государства предполагает восприятие последнего не в качестве субъекта действия — коллективного лица, от своего имени осуществляющего управление страной (территорией) и обществом, а в качестве системы общественных отношений, специфического состояния упорядоченной политико-правовой реальности. С точки зрения смыслового значения данной концепции в большей степени соответствуют западные понятия *etat, stato, staat, state*. Изначально возникнув для указания на состояние и положение правителей, их величие и достоинство, выше-названные понятия постепенно начали рассматриваться в качестве самостоятельных категорий, обозначающих состояние или положение соответствующих политических образований. В рамках подобного понимания государство, а правильнее говоря, *state* рас-

сматривается как *сложившийся в определенной социальной общности, на определенном историческом этапе ее развития и в пределах определенной территории ее постоянного нахождения публичный порядок общественной организации и управления*.

Данный порядок носит нормативный характер и объединяет общезначимые правила поведения, принимаемые от имени всего государственно организованного сообщества (нации), относительно небольшим по числу аппаратом управленцев — государственной бюрократией.

Субстанциональным основанием *государства* — *state* является взаимное стремление власти и подвластных к общему благу. Однако понимание блага непосредственным образом зависит от восприятия системы «главных» ценностей, с обеспечением и сохранением которых связаны «благие намерения». Все высказываемые по этому поводу точки зрения могут быть сведены к двум полярным позициям: *системоцентричной* и *эгоцентричной*.

В рамках *системоцентричной* позиции государственная система отношений выступает в качестве основной ценности и безусловным образом довлеет над такими производными от нее подсистемами, как частное право, права и свободы человека и гражданина, общественное самоуправление и т.п. Наглядными примерами выражения *системоцентричного* подхода являются слова из известных советских песен: «Жила бы страна родная, и нет других забот»; «Раньше думай о Родине, а потом о себе»; «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз» и др.

Эгоцентричный подход основан на представлении о человеке, его правах и свободах как о первичной и основной ценности государственной организации. В таком понимании государство не индивидуальный собственник, воплощенный в государе, который владеет «своей страной и народом» и волен по своему желанию пользоваться и распоряжаться ими, а объект коллективной собственности, своего рода акционерное общество с выборным советом директоров, в своей деятельности отчетных и ответственных перед общим собранием акционеров.

Говоря о соотношении понятий *государство* и *state*, следует отметить, что в качестве упорядоченной нормативной системы государственной организации и государственного управления, законодательный порядок — *state* присутствует в любой

форме политически организованного сообщества. Однако это вовсе не означает, что любое государство представляет собой state, или, иначе говоря, не всякий нормативный порядок, сложившийся в рамках state, представляет собой государство.

Собственно государство, равно как и такие аналогичные ему понятия, как королевство, графство, княжество, царство есть не что иное, как kingdom — объект патримонии владычествующего суверена. Соответственно государственный суверенитет — это высшая власть государя, его право по своей воле править «своей страной и народом», определять как внутреннюю, так и внешнюю политику «своего государства». Государственный state — это порядок, определяемый волей государя и произвольно изменяемый им. Государь устанавливает публичный порядок, однако сам этому порядку не подчиняется, либо подчиняется исключительно по собственному желанию. В таком понимании представители государственной бюрократии являются в прямом смысле слова «слугами государевыми» и руководствуются в своей деятельности не абстрактными правовыми предписаниями, а конкретными властными волеизъявлениями конкретных вышестоящих властителей, каждый из которых, в свою очередь, является «слугой вышестоящего начальника». Главный начальник — ГОСУДАРЬ — лицо юридически безответственное, отвечающее за принимаемые решения и совершаемые поступки исключительно перед собственной совестью и Богом.

State в значении государства — это порядок, в равной степени обязательный и для простых сограждан, и для представителей властных структур. В таком понимании правовые законы столь же объективны, общезначимы и общеобязательны, сколь объективны законы природные — всемирного тяготения, смены погодных и временных циклов, конечности жизни и т.п. State устанавливают граждане, однако после того как установленный порядок приобрел законную силу, он приобретает общеобязательный характер и не может быть произвольно изменен либо нарушен в зависимости от складывающейся ситуации либо субъективного восприятия и оценки со стороны того или иного лица.

Если мы рассматриваем state как одну из форм государственной организации, то понятие правового государства — state of law есть не что иное как порядок политической организации и политической власти, установлен-

ный при помощи юридических правил — законов и объективный по отношению ко всем индивидам и коллективам, находящимся в пределах пространственных масштабов государственной юрисдикции.

Государство — kingdom правовым (в смысле подконтрольным праву), по своей субстанциональной природе быть не может. Закон в государстве — это не объективная реальность, а продукт государевой воли, средство, при помощи которого ГОСУДАРЬ вершит «свой суд и расправу».

Как свидетельствует анализ государственной истории, на определенном историческом этапе общество может перейти от политической формы государства — kingdom к государству — state, а может и не перейти. На мой взгляд, в Российской Федерации в ее нынешнем состоянии говорить о таком переходе как о состоявшемся событии по меньшей мере преждевременно.

2. Типология государства: от традиции к инновации

В отечественной теоретико-правовой науке вплоть до последнего времени вопросы типологии государств рассматривались преимущественно через призму формационного подхода, основоположниками которого традиционно считаются классики немецкой политической экономики — К. Маркс и Ф. Энгельс.

Суть данного подхода заключается в рассмотрении категории общественно-экономической формации в качестве основополагающего критерия отнесения государства к соответствующему историко-экономическому типу. В данном случае *общественно-экономическая формация — это исторический тип общества, основанный на определенном способе производства и распределения материальных благ.*

К. Маркс делит мировую историю на три макроформации: архаичную (догосударственную), политическую (государственную) и коммунистическую (постгосударственную). Основными критериями такой классификации являются, во-первых, наличие или отсутствие частной собственности на средства производства; во-вторых, наличие или отсутствие антагонистических классов; в-третьих, наличие или отсутствие товарного производства. По Марксу, каждая последующая формация логически и исторически вытекает из предыдущей и является по сравнению с ней более высокоорганизованной.

Первой общественной макроформацией считается архаическая — первобытно-коммунистическая. В рамках данной формации не существовало ни частной собственности, ни классов, ни товарного производства. Следовательно, не было и государства как инструмента классового господства и экономической эксплуатации. Способ производства, в рамках данной формации был основан на общей (родовой, коллективной) форме собственности, а власть в равной пропорции принадлежала каждому члену сообщества.

Переход к политическому (государственно-организованному) сообществу в первую очередь связывается с изменениями, происшедшими в экономическом базисе первобытного общества (три крупных разделения труда, формирование института частной собственности, отделение публичной политической власти от общества, непосредственная зависимость собственности от власти, что в свою очередь означает политическую детерминацию экономики). Эти изменения, с одной стороны, означали преодоление непосредственной зависимости человека от окружающей среды, а с другой — предопределяли необходимость создания качественно новых механизмов социального управления, в задачи которых входила реализация правотворческих, оперативно-регулятивных и правоохранительных функций.

Политическое сообщество представляет собой центральный элемент экономической общественной формации, в рамках которой выделяются соответствующие способы производства: рабовладельческий, феодальный, буржуазный и соответствующие данным способам типы государств.

Следует отметить, что каждая вновь возникающая общественно-экономическая формация, равно как и соответствовавший ей тип государства, на первичном этапе своего становления обеспечивали определенный прогресс в развитии производственных сил в силу внедрения в процесс производства и распределения материальных благ передовых (на данном этапе исторического развития) производственных отношений. Второй этап предполагал соответствие характера производственных отношений уровню развития производительных сил и свидетельствовал о «расцвете» формации, ее «золотом веке». В ходе дальнейшего развития неизбежно возникало и углублялось противоречие между продолжающимся прогрессом производственных сил и все более явным отставанием

производственных отношений. Накопление этих противоречий вело к качественным изменениям: подвергались трансформации формы собственности, появлялись и выходили на политическую арену новые классы и социальные группы, претендующие на завоевание политического господства, снижалась, вплоть до «схождения на нет», эффективность государственных регулятивно-охранительных механизмов. В результате складывалась ситуация, когда «верхи не могли, а низы не хотели» сохранять устоявшийся социальный порядок. Разрешение кризиса происходило путем межклассового конфликта, обуславливающего смену устаревшей общественно-экономической формации более прогрессивной².

Необходимо особо подчеркнуть, что для Маркса любое государство, независимо от типа общественно-экономической формации, представлялось в качестве орудия осуществления классового господства эксплуататоров над эксплуатируемыми. Коммунистическая макроформация, которая, по идее, должна была прийти на смену политической, представляла собой «общество изобилия». Предполагалось, что на определенном этапе производительные силы достигнут такой стадии развития, что будут способны полностью удовлетворить потребительские интересы широких масс. В обществе, где «есть все», частная собственность и связанное с ней товарное производство теряют смысл, соответственно исчезают классовые противоречия и сами классы, в конечном итоге отмирает государство, поскольку утрачивают свою социальную значимость функции государственного принуждения и контроля. На смену государству приходит общественное самоуправление, осуществляемое по принципу: «От каждого по способности, каждому по потребности».

Рассмотрение марксовской формационной теории развития общества и государства позволяет сделать следующие выводы.

1. Прежде всего, Маркс — это теоретик, конструирующий монистическую модель мировой истории, основанную исключительно на экономических показателях. Осуществляя детерминацию истории и экономики, Маркс с определенной долей достоверности описывает прошлое и выдвигает гипотезу перспективного будущего человеческого сообщества.

² См.: Ромашов Р.А. Конфликтология : учебное пособие. СПб., 2006. С. 89–90.

2. Осуществляя типологию государства в рамках политической макроформации, Маркс оперирует параметрами, характерными для исторического и экономического развития государств, относящихся к западной культуре. По мнению исследователя, эти параметры являются универсальными и в той или иной степени присущи всем политико-правовым сообществам. Вместе с тем на сегодняшний день очевидно, что такой подход является ошибочным. История наглядно доказывает, что способы производства определяются в первую очередь экономической целесообразностью, а не историческим этапом либо типом культуры. В частности, рабочладелецкий способ производства широко применялся в таких классических западных демократиях как США и Великобритания вплоть до середины XIX в.

Россия, не относясь к странам западной культуры, однако на всех этапах своей политико-правовой истории находясь под ее влиянием, формировала и формирует собственное отношение к западным достижениям. Теоретический марксизм стал концептуальной основой революционного движения, направленного на разрушение традиционной российской государственности и построение «на обломках старого мира» государства нового типа — советской социалистической республики. При этом то обстоятельство, что социалистический тип государства самим Марксом предусмотрен не был, не смущало идеологов «практического коммунизма». «Отец народов» И.В. Сталин в одном из своих выступлений произнес фразу, ставшую классической: «Марксизм — не догма, а руководство к действию». «Отцы основатели» первого в мире «государства победившего социализма» трактовали марксизм «творчески», объясняя противоречия теории и практики историческими особенностями, вносящими коррективы в любые теоретические построения.

В социалистическом государстве сохранялись классы, однако отсутствовали антагонистические межклассовые противоречия. Государство сохраняло функцию государственного принуждения, однако считалось, что данная функция реализуется только против внешних «врагов советского образа жизни» и внутренних «врагов народа». Тезис об отрицании государства в коммунистическом будущем сопровождался утверждением об усилении классовой борьбы в ходе дальнейшего строительства социализма и коммуниз-

ма и, как следствие, о необходимости усиления государства.

Крах коммунистической идеологии и социалистической экономики, повлекший разрушение СССР и мировой социалистической правовой семьи, доказали практическую несостоятельность формационной теории. Вместе с тем на повестке дня встал вопрос об альтернативной формационной концепции типологии государства.

На мой взгляд, при осуществлении такой типологии следует руководствоваться комплексом критериев, объединяющих государственную территорию, государственно-организованный народ, тип экономики. Данные критерии представляют собой унифицированные показатели, которые могут быть выделены в любом государстве, независимо от исторического периода, географического расположения, религиозно-культурной принадлежности.

Представляется возможным выделять четыре типа государств: территориальные; национально-территориальные; индустриальные; постиндустриальные.

В первом случае основу государственно-сти составляет занимаемая государством территория. Это в равной степени может быть отдельно взятый полис (Афины) и мировая империя (Рим). Территориальное государство основано на сырьевой экономике, вследствие чего государство считается тем сильнее, чем больше его территория.

Осознание единства территории и населения приводит к формированию государства национально-территориального типа. Впервые такое государство возникает в Римской Империи, когда она начинает восприниматься одновременно и как *res publica* — «общее дело», и как *patria* — «большая родина», объединяющая членов сообщества, независимо от мест их рождения и фактического нахождения.

Индустриальное государство основано на экономических связях, приходящих на смену национально-территориальному единству. Индустриальное государство представляет собой сообщество, в котором индивидов и коллективы объединяют прежде всего производственные отношения. Переход к индустриальному типу построения государства предполагает трансформацию государства — *kingdom*, в государство — *state*. При этом государственная система хозяйствования сменяется государственной экономикой, в основу развития которой положен не госу-

дарственный волюнтаризм, а экономико-правовые закономерности.

Постиндустриальное государство полагает основой взаимодействия передовые технологии. Именно на данной стадии формируется отношение к человеку как к основной социально-политической и правовой ценности. Человеческая свобода — это прежде всего свобода личности творить и самостоятельно распоряжаться продуктами своего творчества. Государство переходит к постиндустриальному типу тогда, когда способно обеспечить личную свободу и воспринимается не в качестве инструмента ее принудительного ограничения, а в качестве наиболее эффективного гаранта и защитника.

Постиндустриальное государство является завершающим типом государства, предшествующим выходу человечества на следующий этап истории — переход к упорядоченному состоянию, мировому порядку, определяемому не субъективными волеизъявлениями конкретных людей (государей), не законодательными актами отдельных государств и межгосударственных объединений, а универсальными цифровыми кодами, определяющими форму и содержание любых человеческих отношений, существующими вне зависимости от особенностей социо-пространственно-временных континуумов и задающими параметры межличностных и межнациональных отношений во всех сферах социальной жизнедеятельности безотносительно к государственной принадлежности. Первым шагом к формированию такого глобального мирового порядка является появление мировой системы Интернет.

3. Общая характеристика системы Интернет и ее место в правовой системе современного государства

«Интернет — всемирная информационная компьютерная сеть, представляющая собой объединение множества региональных компьютерных сетей и компьютеров, обменивающихся друг с другом информацией по каналам общественных телекоммуникаций (выделенным телефонным аналоговым и цифровым линиям, оптическим каналам связи и радиоканалам, в том числе спутниковым линиям связи).

Интернет является одноранговой сетью, т.е. все компьютеры в сети по сути равноправны и любой компьютер можно подключить к любому другому компьютеру. Любой компьютер, подключенный к сети, может пред-

лагать свои услуги любому другому. Но Интернет — это не только каналы связи. В узлах этого всемирного соединения установлены компьютеры, которые содержат различные информационные ресурсы и предлагают различные информационные и коммуникационные услуги.

Интернет — это глобальная компьютерная система, которая:

— логически взаимосвязана пространством глобальных уникальных адресов (каждый компьютер, подключаемый к сети, имеет свой уникальный адрес);

— способна поддерживать коммуникации (обмен информацией);

— обеспечивает работу высокоуровневых сервисов (служб), например, WWW, электронная почта, телеконференции, разговоры в сети и другие»³.

Появление Интернет по своему значению означает примерно то же, что и появление мирового языка, мировой экономики, мировой политики. «Всемирная паутина» является собой пример практической модели законченной информационной глобализации.

Интернет — это наднациональная организация, существующая вне государственной юрисдикции. Общение в сфере Интернет обуславливает необходимость качественной переоценки целого ряда традиционных представлений о социально-государственном устройстве и нормативно-правовом регулировании. Если современное государство и право основывается на таких незыблемых канонах как государственный суверенитет, национальное и территориальное единство и обособленность, персонификация и иерархизация государственной бюрократии, то Интернет в своей организации и действии характеризуется качественно отличающимися параметрами. При этом по своим функциональным свойствам система Интернет способна если не заменить (пока) традиционное государство, то по крайней мере достаточно успешно конкурировать с ним. Интернет выступает и в качестве организационной, и экономической, и управленческой (политической), и даже сакральной среды осуществления общественной жизнедеятельности. А ведь вплоть до недавнего времени эти и другие виды социальной деятельности рассматривались в непосредственной связи с государством, которое если не полностью их

³ См.: Глобальная сеть Интернет: история развития. URL: <http://sbmtwiki.wikidot.com/wiki:globalnaaset-internet:istoria-razvitiia>

поглощало, то по крайней мере выступало в качестве общепризнанного «центра силы», определяющего основные правила социального поведения и обеспечивающего их выполнение абсолютным большинством членов сообщества.

В настоящее время государство и государственный суверенитет во многом утрачивают свою актуальность, что в свою очередь предопределяет усиление прикладной значимости проблемных аспектов соотношения национального и международного права и, соответственно, механизмов внутригосударственного и внешнеполитического правового регулирования.

Возникает вопрос: как соотносятся национальное и международное право с нормами, определяющими организацию и функционирование системы Интернет, и какое место Интернет занимает в национальной и наднациональных системах правового регулирования?

Отвечая на первый вопрос, следует прежде всего определиться с тем, к какой правовой реальности Интернет относится — к объективной или субъективной. На мой взгляд, в своем современном состоянии система Интернет столь же объективна, сколь объективны такие социальные феномены как экономика, политика, образование, право. Интернет существует независимо от того, как то или иное государство оценивает тот или иной сайт, того или иного провайдера. «Правом на жизнь» в интернет-пространстве в равной степени пользуются политики и террористы, консерваторы и революционеры, верующие и атеисты. Государство, пытается упорядочивать и ограничивать как сам Интернет, так и интернет-пользователей, но уже сегодня понятно, что государственные возможности в данной области достаточно ограничены по своему ресурсу, ясно и то, что в перспективе возможности государственно-бюрократического воздействия на интернет-среду будут неуклонно понижаться.

Говоря же о правовом регулировании в интернет-среде, следует использовать термин «сорегулирование», означающий сочетание равноуровневых средств и методов регулятивно-охранительной деятельности. Интернет в системе правового сорегулирования выступает и как пространственно-информационная среда, обеспечивающая жизнь интернетного права, подобно тому, как жизнь человеческого сообщества обеспечивает земная атмосфера, и как глобальная коммуника-

ция, обеспечивающая виртуальное взаимодействие отдельных личностей, корпораций, стран и международных организаций, а также как самостоятельный срез современной человеческой культуры, стоящей на пороге вступления в «интернет-цивилизацию». В подобном понимании правовое сорегулирование есть продукт взаимодействия субъектов интернет-отношений, которые, несмотря на различные социально-правовые статусы, равны в своем статусе интернет-пользователей, в комплексе образующих население виртуальной страны с названием Интернет.

4. Digital state — новая общественная макроформация

Современный мир представляет собой сложноструктурированную конструкцию, сформировавшуюся в результате двух глобальных процессов, получивших свое завершение воплощение в XX веке — это разрушение мировой колониальной системы империализма и разрушение мировой социалистической системы.

На смену мировому порядку, основанному на коммуникации (как конфликтной, так и партнерской) двух основных мировых культур (западной и советской) пришла поликультурная синергетическая система, в рамках которой в настоящее время не удастся выстроить устойчивую систему внутригосударственных и межгосударственных отношений. Мир переживает кризисное состояние и находится на грани перехода в состояние политико-правовой аномии (хаоса). В сложившейся ситуации функциональная роль традиционного государства как формы социальной организации общества и механизма публичной политической власти существенным образом снижается. Большинство людей как в западном, так и в постсоветском мире дистанцируются от государства, воспринимая его не в качестве среды безопасности и комфорта, а как фактор опасности, столкновение с которой представляет собой такую же объективную угрозу, как и криминальный мир, техногенные и природные катаклизмы, эпидемии и т.п.

Кризис «практического» государства обуславливает появление многочисленных теоретических рассуждений, связанных с дальнейшими перспективами политической организации общества. На мой взгляд, при анализе государства как социокультурного феномена следует прежде всего отказаться от его формационной типологии, основны-

вающейся на концепции линейной истории, и в дальнейших изысканиях руководствоваться теорией цикличности. Новейшая история доказала ошибочность теории смены общественно-экономических формаций. Крушение социалистической государственно-правовой системы показало невозможность построения коммунизма ни в отдельно взятой стране, ни тем более в мировом масштабе. Однако отказ от формационной концепции не означает «конца истории».

В настоящее время происходит трансформация традиционных представлений о государстве и праве. Итогом этой трансформации является концептуальное обоснование и практическое воплощение феномена «цифровое государство — *digital state*». Причем, говоря о «диджител стейт», следует помнить о том, что английское слово «state», если быть точным, переводится на русский не как «государство», а как «состояние, порядок». В свою очередь, государство — по-английски это kingdom (объект владения государя).

В российской политико-правовой практике на всех ее исторических этапах мы оперируем именно государством, структурная композиция которого предполагает отделение государственной бюрократии от общества и восприятие последнего не как коллективного носителя государственного суверенитета, а как объекта управленческого воздействия, в своей организации и жизнедеятельности всецело зависящего от государственной воли.

При таком понимании не имеет смысла говорить о правовом государстве в западном понимании «state of law». Заявляемый на конституционном уровне правовой характер *государства* (курсив мой. — Р.Р.), означает не более того, что государственный волюнтаризм обличается в юридическую (законодательную) форму и на практике реализуется посредством юридических, в том числе судебных, правоприменительных процедур. В таком понимании Советская Россия была не менее «правовой», чем сегодняшняя Российская Федерация.

Понимание государства как основанного на праве порядка общественной организации и общественного управления — state of law, является более высокой ступенью осознания государственной реальности. На Западе такое видоизменение общественного правосознания связано прежде всего с буржуазной революцией, обусловившей переход феодальных отношений к капиталистическим.

В России начавшийся переход от феодального крепостничества к буржуазной демократии повлек не эволюцию, а революцию, разрушившую традиционную российскую государственность, однако не сумевшую в конечном итоге представить конкурентную западную модель государства «нового типа».

Стремление воссоздать «сильную Россию», предпринимаемое нынешним политическим руководством страны, во многом повторяет сценарий СССР периода «застоя». Изоляционистская политика, формирование пропагандистского образа «внешнего и внутреннего врага», сырьевая экономика, усиление гонки вооружений, несменяемость политической власти — эти и другие факторы, которые в 90-х годах XX века обусловили распад СССР, продолжают иметь место в Российской Федерации. Тот факт, что распад СССР, равно как и распад Российской Империи, носил быстротечный характер, является свидетельством глобального системного кризиса, преодолеть последствия которого в настоящий период не удастся. Вместе с тем нельзя говорить, что кризис имеет место только в России, вплоть до сегодняшнего дня не перешедшей от организационно-управленческой модели государства к модели state.

Глобальный кризис распространяется в том числе на страны традиционных западных демократий — state of law. Все более активной критике подвергаются принципы, положенные в основу Евросоюза, не сумевшего доказать преимущества евроинтеграции по отношению к традиционным национальным государственным формам. В сложившейся ситуации государство и право, являясь продуктами национальной культуры, ограниченной масштабами социо-пространственно-временного континуума, становятся архаичными формами, утрачивающими фактическую способность осуществлять эффективную организацию общества и эффективное управление им.

Формирование *digital state* — это уже не утопия, а реальность. Среда Интернет, основанная на цифровых кодах, являющихся универсальными, вневременными и внациональными факторами, существует и оказывает фактическое манипулятивное воздействие на сознание и поведение миллиардов людей независимо от их национальности, вероисповедания, гражданства.

Именно *digital state*, а не мифическое коммунистическое сообщество способен стать

реальной альтернативой существующему государственно-правовому порядку. Каким будет этот порядок и каким образом в него будут встраиваться системы национального

государства, государственного и международного права, покажут грядущие перспективы.

В любом случае это не конец истории.

Литература

1. Глобальная сеть Интернет: история развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sbmtwiki.wikidot.com/wiki:globalnaa-set-internet:istoria-razvitiia>
2. Ромашов Р.А. Конфликтология : учебное пособие. СПб., 2006. С. 89–90.
3. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственного управления. М., 1997. С. 7.

О применении указа от 9 февраля 1710 г. о решении поместных и вотчинных дел в губерниях

*Харченко Александр Владимирович,
специалист «Центра социальных и политических исследований «Аспект»
vdosav@yandex.ru*

В статье рассматривается вопрос о применении на практике указа от 9 февраля 1710 г. о производстве поместных и вотчинных дел в губерниях. Были проанализированы грамоты об отказе поместий и вотчин за период 1712–1714 гг. по уездам, входившим в состав Киевской, Казанской и Архангелогородской губерний, которые высылались не из Поместного приказа, а из губернских канцелярий.

Ключевые слова: Поместный приказ, губерния, решение поместных и вотчинных дел, губернские канцелярии, грамота об отказе имений.

Application of the Decree of February 9, 1710 on Solution of Local and Manorial Cases in Provinces

*Kharchenko Aleksandr V.,
Specialist of the Center for Social and Political Studies "Aspect"*

The article considers the problem of applying the edict from February, 9, 1710 on investigation of local and patrimonial cases in the province. The papers focuses on a muniment of refusal of the estates in counties included in the Kiev, Arkhangelsk and Kazan for the period 1712–1714 which were sent from the provincial chancellery and not of Local Department.

Key words: Local Department, province, registration of estates and patrimony, investigation of local and patrimonial cases, provincial chancellery, muniment of refusal of the estates.

В 1830 г. в 4 томе Полного собрания законов Российской империи (далее — ПСЗ РИ) был опубликован указ от 9 февраля 1710 г., согласно которому решение поместных и вотчинных дел передавалось в ведение губернаторов¹.

С момента опубликования данный правовой акт был не раз упомянут в научной литературе различной тематической направленности².

¹ ПСЗ РИ-1. Т. 4. СПб., 1830. № 2251. С. 478.

² См.: Иванов П.И. Систематическое обозрение поместных прав и обязанностей в России существовавших, с историческим изложением всего

Тем не менее очевидный недостаток рассмотрения данного вопроса заключается в том, что вывод фактически базируется на одном законодательном материале без привлечения делопроизводственных документов. Исключение составляла работа Н.Н. Ардашева «История Вотчинного архива с XVII в. до 1812 г.», в которой автор привел выдержки

до них относящегося. М., 1836. С. 47–48 ; Мрочек-Дроздовский П.Н. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 1775 года. Часть 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 г.). М., 1876. С. 319.

из документа, извлеченного им из дел Правительствующего Сената: «А в Поместном приказе и за учинением тех губерний в тех во всех городах, которые были в том Поместном приказе ведомы, поместные и вотчинные дела от правлялись же»³.

Однако впоследствии изучение этого вопроса, к сожалению, не было продолжено. Некоторые исследователи лишь повторяли те мысли, которые были изложены ученым⁴.

Представление же о том, какие реальные изменения произошли в производстве поместных и вотчинных дел в приказных избах городов, расписанных по указу от 18 декабря 1708 г. по губерниям, можно составить, обратившись к архивным фондам указанных административных учреждений. В этой связи особенный интерес представляют фонды Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА).

Из фондов приказных изб Брянского, Муромского и Галичского уездов были извлечены грамоты об отказе имений по различным гражданско-правовым сделкам за 1712–1714 гг.: о сдаче прожиточного поместья, о поступке прожиточного поместья, о продаже вотчины, об отказе заложенной вотчины.

Данные документы начинались с формальных атрибутов, общепринятых в делопроизводстве исследуемого времени.

Во-первых, с даты издания и названия распоряжения Великого государя («по указу») и с изложением его полного титула⁵. При этом дата ставилась либо в начале⁶, либо в конце⁷.

Во-вторых, далее следовало указание на должностное лицо, издавшее данное распоряжение, а также его название («по приказу»)⁸

или (в одной из грамот — «по приговору»)⁹, включая указание его полного титула, согласно территориальной подведомственности («ближнего боярина Казанского и Астраханского губернатора Петра Матвеевича Апраксина»¹⁰ или «губернатора Киевского наместника Смоленского князя Дмитрия Михайловича Голицына»¹¹).

И наконец, указывался город и должность адресата — «в Муром к коменданту Петру Григорьевичу Вердеревскому»¹² или «во Брянск коменданту Ивану Алексеевичу Ржевскому»¹³.

При этом структурно грамоты (указы), присланные из канцелярии Архангелогородской губернии, отличались от вышеприведенных, что было обусловлено, скорее всего, некоторыми особенностями производства по конкретным поземельным делам. Но неизменными атрибутами данных документов являются название распоряжения и полный титул Самодержца, а также адресата («в Галич обер-коменданту Ивану Романовичу Цымерманову с товарищи»)¹⁴.

Далее следовало собственно изложение дела.

Заканчивались данные документы распоряжениями о написании и присылке отказных книг в двух экземплярах, одну из которых следовало оставить в приказной избе «впредь для ведома»¹⁵ (в одной из грамот — «для спору»¹⁶).

Таким образом, анализ формальных атрибутов позволяет выявить определенные изменения в делопроизводстве губернских канцелярий с изданием указа от 9 февраля 1710 г.

Не менее интересной является содержание этих грамот, изучение которых может раскрыть те внутренние механизмы, позволившие на практике применить предписание указа, передавшего решение поместных и вотчинных дел в губернии.

Обращают на себя внимание три детали.

Во-первых, в рамках исследуемой проблемы особенный интерес представляет вопрос пересылки копий (списков) с поземельных дел в губернии.

³ Ардашев Н.Н. История Вотчинного архива от XVII в. до 1812 г. // Описание документов и бумаг Московского архива Министерства Юстиции. М., 1888. 5 кн. С. 186.

⁴ См.: Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. Изд. 2. С. 313. Примечание 3; Базанов И.А. Вотчинный режим в России. Его происхождение, современное состояние и проект реформ. Томск, 1910. С. 64.

⁵ РГАДА. Ф. 1141. Оп. 1. Д. 133. Л. 1. Д. 135. Л. 1; Ф. 1114. Оп. 1. Д. 123. Л. 1. Д. 126. Л. 1; Ф. 1109. Оп. 1. Д. 104. Л. 1 об., л. 3 об.

⁶ Там же. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 104. Л. 1 об., л. 3 об.; Ф. 1141. Оп. 1. Д. 133. Л. 1.

⁷ Там же. Ф. 1141. Оп. 1. Л. 1.

⁸ Там же. Ф. 1141. Оп. 1. Д. 133. Л. 1; Ф. 1109. Оп. 1. Д. 104. Л. 1 об., л. 3 об.

⁹ Там же. Ф. 1141. Оп. 1. Д. 135. Л. 1.

¹⁰ Там же. Ф. 1141. Оп. 1. Д. 133. Л. 1. Д. 135. Л. 1.

¹¹ Там же. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 104. Л. 1 об., л. 3 об.

¹² Там же. Ф. 1141. Оп. 1. Д. 133. Л. 1. Д. 135. Л. 1.

¹³ Там же. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 104. Л. 1 об., л. 3 об.

¹⁴ Там же. Ф. 1114. Оп. 1. Д. 123. Л. 1. Д. 126. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 104, Л. 2 об., 4 об.

¹⁶ Там же. Ф. 1114. Оп. 1. Д. 126. Л. 2.

Согласно указу от 9 февраля 1710 г. следовало «с дел, с столбцов и книг в губернии списки списывать в Поместном приказе, и для того списывания Губернаторам прислать от себя дьяков и подьячих, а с ними в прибавку быть подьячим же, которые у которых городов в Поместном приказе сидят»¹⁷.

Но было ли исполнено данное предписание?

Еще Н.Н. Ардашев писал, что «затруднения в отношении доставки копий с дел и книг Поместного приказа во все губернии были одной из причин, вызвавших в 1714 году отмену указа 1710 года»¹⁸.

Исполнение этой части указа вызывает вполне резонные сомнения. Как видно из рассмотренных документов, указанные списки для решения дел в губернских канцеляриях высылались разово. Поместный же приказ, где по-прежнему хранилась вся подлинная поземельная документация (столбцы, книги с дач), имел некоторое отношение к процессу решения поземельных дел по данным городам.

Из грамоты по делу об отказе вотчины И.А. Фамендину: «...в нынешнем 1712 году июля 11 дня прислана Великого государя грамота и ведение с дач и с купчей из Поместного приказа за приписью дьяков Петра Вяземского и Андрея Киреева в Архангелогородскую губернию к вице-губернатору Алексею Александровичу Курбатову по челобитью полковника Ивана Алексея сына Фамендина»¹⁹.

Основанием же, послужившим решению в губернской канцелярии, явилось данное ведение: «...вице-губернатор Алексей Александрович Курбатов приказал по грамоте Великого государя и по ведомости с дач Васильевой жены Чаадаева Натальи вышеписанную вотчину со крестьяны и со всеми угодьями по продаже и по купчей ее записать за Иваном Фамендиным»²⁰.

Стоит отметить, что по указу от 9 февраля 1710 г. поместья и вотчины, находящиеся в Московской и других губерниях, следовало по-прежнему разрешать в Поместном приказе, «а в губернии с тех дел посылать, для ведома, список»²¹.

Изучение содержания грамоты по делу об отказе вотчины, расположенной и в Московской (Рузский уезд), и в Архангелогородской губернии (Галичский уезд), позволяет рассмотреть и данную правовую ситуацию.

В челобитной М. Березниковой 1713 года отмечалось, что «в прошлом 1712 году апреля в 10 день» продал ей дядя ее, И.А. Фамендин, вотчины в Рузском и Галичском уездах и она «по той купчей против ее челобитной в Поместном приказе за нею записана». При этом «для отказа Галицкой вотчины за нею прислана Государева грамота и список с челобитной и купчей и со всего дела в Архангелогородскую губернию вице-губернатору Алексею Александровичу Курбатову». Далее идет обращение к вице-губернатору: «...по той грамоте и по списку с дела для отказа тое вотчины за нею послать свой государев указ в Галич...»²².

В данной грамоте также подтверждались компетенция вице-губернатора: «...и по его Великого государя указу и по приказу вице-губернатора Алексея Александровича Курбатова велено послать в Галич к обер-коменданту указ...»²³.

В одной из присланных из канцелярии Киевской губернии грамот упоминалось, что «713 году июля в 13 день в присланном в канцелярию Киевской губернии из Поместного приказа с грамотою с дела в списке за приписью дьяка Андрея Киреева написано» о том, что в июле 1709 г. Михаил Безобразов занял у своего сына, Федосея, сто рублей, «а вместо тех денег заложил ему впредь бесповоротно купленную вотчину свою в Брянском уезде»²⁴.

С другой стороны, грамота по делу об отказе поместий С. Кровкову и Т. Салманову издавалась на основании поземельных дел, хранящихся в Большой губернаторской канцелярии: «...а в Казани, в Большой Губернаторской канцелярии, в отказных книгах Муромской приказной избы подьячего Алексея Салтанова прошлого 1700 года написано...»²⁵.

Во-вторых, следует обратить внимание на удаленность некоторых номинальных губернских столиц (Киева и Архангельска) от городов, находившихся на периферии данных административно-территориальных образований (например, Вологда, Галич «с пригороды» и Кинешма для Архангельска или Брянск, Орел, Болхов для Киева). При этом Москва, где находился Поместный приказ, которому

¹⁷ ПСЗ-1. Т. 4. № 2251.

¹⁸ Ардашев Н.Н. Указ. соч. С. 202.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1114. Оп. 1. Д. 123. Л. 1

²⁰ Там же. Л. 1 об.

²¹ ПСЗ РИ-1 Т. 4. № 2251.

²² РГАДА. Ф. 1114. Оп. 1. Д. 126. Л. 1

²³ Там же. Л. 1 об.

²⁴ Там же. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 104. Л. 1 об.

²⁵ Там же. Ф. 1141. Оп. 1. Д. 133. Л. 1 об.

до указа от 9 февраля 1710 г. эти города были подведомственны, была даже ближе, чем упомянутые номинальные губернские столицы.

На практике же отправление поместных и вотчинных дел по губерниям происходило в административных центрах, расположенных в более близком расположении от Москвы (Курске, Вологде).

Если отказные книги по поместью Муромского уезда следовало «прислать в Казань и велеть подать в Большую губернаторскую канцелярию ближайшему боярину губернатору Казанскому и Астраханскому Петру Матвеевичу Апраксину»²⁶, то иначе обстояло дело с Галичским и Брянским уездами.

Из грамоты об отказе за Иваном Фамендиным вотчины в Нагатине стане Галичского уезда следовало: «...буде спору не будет ему, Ивану, отказать и отказные книги за руками прислать в Вологодскую канцелярию»²⁷. При этом было особо отмечено, если «учинитца спор»: «...и спорное челобитье по тому ж прислать и велеть подать в канцелярию вице-губернатору Алексею Александровичу Курбатову»²⁸.

В грамоте об отказе вотчины в Рузском и Галичском уездах И.А. Фамендину можно найти аналогичное распоряжение: «...и вы за своими руками прислали на Вологду и велели подать в канцелярию вице-губернатору Алексею Александровичу Курбатову»²⁹.

В грамоте по делу об отказе вотчины Ф. Безобразову упоминался еще один административный центр — Курск: «...и о присылке того помянутого допросу за их и за свидетелевыми и отказные книги сторонних людей и откащиковою руками и тебе б за своею рукою а Курск в канцелярию Киевской губернии»³⁰.

Заметим, что до указа о передаче решения поместных и вотчинных дел в губернии отказные книги по данным уездам следовало присылать в Москву, в Поместный приказ. Но, как видно, в период действия рассматриваемого правового акта для них вместо одного центра появляется три, где в том числе концентрировалась поземельная документация — Курск, Вологда и Казань (в соответствии с территориальной подведомственностью городов).

В-третьих, обращает на себя внимание то, где собирали пошлины при регистрации прав на недвижимые имущества.

П.Н. Мрочек-Дроздовский писал, что с учреждением губерний «сбор крепостных пошлин составил одну из статей финансовой отчетности губернаторов». В подтверждение своих слов ученый ссылался на Киевские и Воронежские финансовые ведомости³¹.

Примечательно, что в исследуемых грамотах было отмечено об уплате печатных пошлин в конце грамот по делу об отказе поместий за Степаном Кровковым и Трофимом Салмановым (2 рубля, 2 алтын, 4 деньги)³² и об отказе приданной вотчины за Симой Ишкаринным (2 рубля и 4 алтына)³³.

По вотчинным, переходившим по купчим и закладным выплачивалась также дополнительная пошлина, как следует из приговора от 20 декабря 1701 г. думного дьяка Поместного приказа А.И. Иванова с товарищами³⁴.

Так, в грамоте об отказе И. Фамендину вотчины в Галицком уезде упоминалось о двух видах пошлин — «с купчей с денег с рубля по алтыну»³⁵ (всего с проданной за 500 рублей³⁶ вотчины было взято две пошлины: с купчей («15 рублей») и печатная, которая была в размере трех рублей и трех денег взята в Галиче, и которую следовало «прислать на Вологду в канцелярию Архангелогородской губернии немедленно»³⁷.

В отказной грамоте по делу о продаже вотчин в Рузском и Галичском уездах упоминалось, что «пошлины с той купчей и с денег с тысячи рублей по алтыну с рубля в Поместном приказе взяты и приходную книгу записаны и на деле подписаны»³⁸. При этом в конце грамоты было отмечено, что «печатные три рубля двенадцать алтын взяты и в книгу записаны» в Архангелогородской губернской канцелярии³⁹.

В грамоте по делу Ф.М. Безобразова о заложенной вотчине было отмечено об уплате пошлины в размере 26 рублей⁴⁰.

Следовательно, свидетельствами соблюдения в делопроизводственной практике предписаний указа от 9 февраля 1710 г. являются

³¹ Мрочек-Дроздовский П.Н. Указ. соч. С. 244.

³² Там же. Ф. 1141. Оп. 1. Д. 133. Л. 2 об.

³³ Там же. Ф. 1109. Оп. Д. 104. Л. 4 об.

³⁴ ДПС. Т. 5. Кн. 2. № 1347. С. 1213.

³⁵ РГАДА. Ф. 1114. Оп. 1. Д. 123. Л. 2.

³⁶ Там же. Л. 1 об.

³⁷ Там же. Л. 2.

³⁸ Там же. Д. 126. Л. 1.

³⁹ Там же. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 104. Л. 2 об.

ся исторические документы, извлеченные из фондов приказных изб РГАДА и проанализированные в настоящей статье. В то же время детальное изучение этих документов позволи-

ло выявить факты, указывающие на некоторое отступление на практике от предписаний изучаемого указа (о присылке списков с поземельных дел из Поместного приказа в губернии).

Литература

1. Ардашев Н.Н. История Вотчинного архива от XVII в. до 1812 г. // Описание документов и бумаг Московского архива Министерства Юстиции. М. : Типо-литография Высочайше утвержд. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1888. 5 кн. С. 153–398.
2. Базанов И.А. Вотчинный режим в России. Его происхождение, современное состояние и проект реформ. Томск : Типо-литография Сибирск. Т-ва Печати. Дела, 1910. 312 с.
3. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого: в 6 т. 1880–1901. СПб. : Типография Императорской Академии наук. Т. 5. Кн. 2. 1897. 912 с.
4. Иванов П.И. Систематическое обозрение поместных прав и обязанностей в России существовавших, с историческим изложением всего до них относящегося. М. : Университетская типография, 1836. 276 с.
5. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. СПб. : Изд-во М.В. Пирожкова, 1905. 696 с.
6. Мрочек-Дроздовский П.Н. Управление России XVIII века до учреждения о губерниях 1775 года. Часть 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 г.). М. : Университетская типография, 1876. 351 с.
7. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. 1-е собрание. СПб. : Типография II отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 4. 892 с.
8. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1109. Оп. 1
9. РГАДА. Ф. 1114. Оп. 1
10. РГАДА. Ф. 1141. Оп. 1

Вопросы историографии борьбы таможенных органов с контрабандой на Дальнем Востоке России в период с 1917 по 1925 г.

*Ляпустин Сергей Николаевич,
заведующий кафедрой таможенного дела
Владивостокского филиала Российской таможенной академии,
кандидат исторических наук, доцент
vfrta@vfrta.ru*

Статья посвящена вопросам историографии борьбы таможенных органов с контрабандой на Дальнем Востоке России в годы Гражданской войны и интервенции. В статье рассматриваются вопросы деятельности таможенных учреждений Дальнего Востока по выявлению и пресечению контрабанды, вопросы взаимодействия с милицией, пограничной службой. Впервые рассматривается деятельность приграничных таможенных надзоров Дальневосточной Республики. Автор впервые вводит в научный оборот архивные материалы из Российского государственного исторического архива Дальнего Востока.

Ключевые слова: историография, таможенные учреждения, история Дальнего Востока, Гражданская война, борьба с контрабандой, Дальневосточная Республика.

Historiography of Smuggling Control by Customs Authorities in the Russian Far East in the Period from 1917 to 1925

*Lyapustin Sergey N.,
Head of the Department of Customs
of the Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

The article is devoted to historiography of the struggle of the customs authorities of smuggling in the Far East of Russia during the civil war and intervention. The article discusses the activities of the customs

authorities of the Far East on revealing and suppression of the smuggling, the issues of interaction with the police, the border guard service. The paper describes the activities of the border customs supervision of the far Eastern Republic. The author introduces into scientific circulation the new archival materials from the Russian state historical archive of Far East.

Key words: *historiography, customs agencies, history of the Far East, the civil war, the fight against smuggling, the far Eastern Republic.*

История борьбы таможенных органов и оказывающих им содействие государственных структур с контрабандой на Дальнем Востоке России в годы Гражданской войны и иностранной интервенции в настоящее время практически не освещена в научных трудах. Вместе с тем о массовых явлениях контрабанды на Дальнем Востоке России в годы Гражданской войны и интервенции упоминают в своих трудах многие историки¹. В отечественной историографии сложилось неверное мнение о том, что после 1917 г., в годы интервенции и Гражданской войны, а также в первые годы советской власти таможенные органы на Дальнем Востоке, оказавшись в условиях отсутствия централизованной власти, прекратили свою деятельность и перестали бороться с контрабандой. Ряд историков пограничной службы утверждают, что борьбу с контрабандой вела только пограничная стража.

Так, например, советский историк А.И. Чугунов в известной книге «Борьба на границе, 1917–1928 (Из истории пограничных войск СССР)» писал: «Что касается Дальнего Востока, где в период Гражданской войны в большинстве районов хозяйничали белогвардейцы и иностранная военщина, то здесь граница не охранялась и контрабандная торговля практически велась беспрепятственно». Он отмечал: «Имевшиеся таможи по существу никакой борьбы с контрабандистами не вели. Тремя постами — Фаддеевским, Полтавским, Константиновским — за 1918 г. было произведено всего лишь 10 задержаний,

да и те формальные. На других участках контрабанда либо совсем не задерживалась, либо задерживалась в крайне незначительных размерах»². Известный советский экономист и китаевед М.И. Сладковский считал, что в годы Гражданской войны линия русско-китайской границы, по существу, оставалась без надзора, так как таможенная служба прекратила свою деятельность как с одной стороны, так и с другой³.

В постсоветский период деятельность таможенных органов на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны и первые годы советской власти затрагивается в трудах А.В. Алепко, О.Б. Мазохина, А.Г. Смирнова, А.В. Попенко, М.С. Хитина и др. Ряд из них утверждает, что борьбу с контрабандой в эти годы вела в основном пограничная охрана.

О.Б. Мазохин в своей известной монографии «ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата» писал: «Борьбу с контрабандой, в основном, с 1918 года вела пограничная охрана»⁴. Можно предположить, что в данном случае речь идет о ситуации на границе в целом, но некоторые историки пограничной службы, исследующие деятельность погранвойск на Дальнем Востоке, считают, что борьба с контрабандой в те годы в основном легла на плечи пограничников. М.С. Хитин в статье «Пограничная охрана Дальневосточной республики» сообщает: «Из-за ненадежности работы аппарата таможни первые подразделения погранохраны ДВР вынуждены были выполнять и ее функции»⁵. Вместе с тем, цитируя «Инструкцию пограничной стражи Амурской области в таможенном отношении», он сообщает, что инструкция, изданная командованием Амурского фрон-

¹ Залеская О.В. Контрабанда на границе. Взаимодействие населения приграничных территорий Российского Приамурья и Северной Манчжурии (1917–1924 гг.) // Россия и АТР. 2001. № 4. С. 74–83; Кисловский Ю.Г. Контрабанда: история и современность. М., 1996. 585 с.; Колдаев В.М. Из истории организации борьбы с контрабандой в СССР, 1917–1930 гг. // Правоведение. 1970. № 6. С. 101–107; Мазохин О.Б. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 448 с.; Печерица В.Ф. Очерки истории дальневосточной таможни: в 2 ч. Ч. 1: 1899–1945 гг. Владивосток, 2002. С. 83; Хитин М.С. Пограничная охрана Дальневосточной республики // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 5.

² Чугунов А.И. Борьба на границе, 1917–1928 (Из истории пограничных войск СССР). М., 1980. 183 с.

³ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974) М., 1977. С. 31.

⁴ Мазохин О.Б. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004. С. 187.

⁵ Хитин М.С. Пограничная охрана Дальневосточной республики // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 9, 10.

та 15 сентября 1920 года, обязывала пограничников беспрекословно выполнять все указания таможенных служащих, не вступая ни в какие пререкания, пресекать контрабанду и не допускать перехода границы. В необходимых случаях пограничники имели право применять оружие против контрабандистов. Задержанных контрабандистов вместе с товаром передавали на ближайшую таможду⁶. Позволим себе не согласиться с данным выводом о том, что погранохрана выполняла функции таможни. Конечно, молодой историк М.С. Хитин может сослаться на аналогичное утверждение известного дальневосточного историка В.В. Сонины, исследовавшего становление ДВР. Однако в своей работе «Становление Дальневосточной республики (1920–1922)», над которой Виктор Владимирович Сонин работал в конце 80-х годов прошлого столетия, он указывал, что при выполнении специальных задач, связанных с борьбой с контрабандой, погранохрана ДВР руководствовалась инструкциями и указаниями министерства продовольствия и торговли. В Положении о пограничных войсках ДВР, далее отмечал он, указывалось, что погранвойска «действуют в контакте с таможней, но не несут обязанностей последней ... оказывают содействие при обнаружении контрабанды, конфискации, аресте и т.п.»⁷. Не учитывать роль и значение таможенных учреждений Восточной Сибири и Дальнего Востока в борьбе с контрабандой в годы интервенции и Гражданской войны, несмотря на их малочисленность, отсутствие централизованной власти, было бы в корне неверно.

Документы, отложившиеся в фондах ГАРФ — ф. Р-4531 Управление Владивостокской городской милиции, ф. Р-9119 Управление пограничного комиссара Амурской области; РГАЭ — ф. 413 Министерство внешней торговли СССР (Минвнешторг СССР); РГИА ДВ — Р-1639 Управление таможенных сборов, Р-1842 Амурская губернская комиссия по борьбе с контрабандой. г. Благовещенск, Р-2470 Управление Дальневосточного таможенного округа Народного комиссариата внешней торговли. г. Хабаровск и других, свидетельствуют об активной деятельности таможенных органов в годы Гражданской войны и интервенции, в том числе борьбе с контрабандой. Только в первой половине

1918 года в условиях политической нестабильности и смены властей Благовещенской таможней было произведено 814 задержаний контрабандистов с товарами на сумму более 32 тысяч рублей. При этом в 315 случаях груз был задержан вместе с провозителями и товарохозяевами. Стоимость конфискованных товаров составила почти 23 тысячи рублей⁸. Конечно, имелись случаи, когда по объективным причинам таможни приостанавливали свою деятельность. Это было вызвано имевшим место блокированием деятельности таможенных учреждений оккупационными войсками (в первую очередь японскими).

Что же касается выполнения пограничной охраной функции борьбы с контрабандой, то необходимо учитывать, что в основу «Инструкции пограничной стражи Амурской области в таможенном отношении», несомненно, легли опыт охраны границы на Дальнем Востоке в Российской Империи и «Инструкция для несения службы пограничного надзора сотнями Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, командированными на усиление охраны участков государственной границы в Забайкальской и Приморской областях (в Южно-Уссурийском крае)» от 1910 г. Эта инструкция гласила: «§ 11. ...Собранные сведения о лицах, занимающихся контрабандным промыслом, а также о движении контрабанды командиры сообщают по третям года начальнику Приамурского таможенного округа... § 18. Для разъяснения недоразумений и сомнений, встречаемых чинами пограничной стражи при несении службы по пограничному надзору, им следует обращаться к надзирателям таможенных постов и высшему таможенному начальству. Чины же таможенного ведомства, как и чины сотен, должны оказывать содействие одни другим, помня, что они служат общему делу Государству — охране границы»⁹.

Исторически так сложилось, что в отличие от западных регионов страны на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири с 1910 г. функция охраны государственной границы была возложена на таможню. А первые подразделения погранохраны ДВР выполняли функции борьбы с контрабандой не по при-

⁶ Там же.

⁷ Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922). Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1990. 352 с. С. 205.

⁸ Таможня на Тихом океане: Документы и материалы. Вып. 1. Благовещенская таможня / Н.А. Беляева, Н.А. Троицкая, Е.Д. Яворская. Владивосток, 2002. С. 9.

⁹ Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири по 1 января 1912 г. СПб., 1912. С. 32–38.

чине «ненадежности работы аппарата таможни», а в связи со сложившейся на Дальнем Востоке практикой привлечения к борьбе с контрабандой представителей погранохраны для оказания содействия таможенным органам. Об этом свидетельствуют документы, отложившиеся в вышеупомянутых фондах государственных архивов и инструкций, в том числе разработанные для пограничного надзора, выполнявшего свои задачи на Дальнем Востоке.

Осуществляя борьбу с контрабандой, дальневосточные таможенные органы принимали различные меры как непосредственно на границе, так и в приграничных районах. В начале двадцатых годов в приграничных городах Дальневосточной республики создаются Городские таможенные надзоры по борьбе с контрабандой. Руководство указанными таможенными надзорами возлагалось на представителей таможенных учреждений. Это могли быть Таможенные инспекторы либо Управляющие таможенных постов, расположенных в черте этих городов либо близ этих городов. Так, например, в 1922 г. Управляющий Введенским таможенным постом Ведмедь одновременно исполнял обязанности Управляющего Читинским городским таможенным надзором по борьбе с контрабандой и отвечал за организацию борьбы с контрабандой в г. Чите [РГИА ДВ. Ф. Р-1639. Оп. 1. Д. 149. Л. 11, 11 об.] В начале 20-х годов Городские таможенные надзоры по борьбе с контрабандой действовали в городах Чите, Зее, Верхнеудинске, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке. В отдельных случаях создавались таможенные надзоры в приграничных поселках.

После упразднения ДВР в местах, где установилась советская власть, организация борьбы с контрабандой непосредственно возлагалась на таможенные учреждения и созданные повсеместно Комиссии по борьбе с контрабандой — окружную, губернские, районные. В состав комиссий входили представители таможен, ГПУ и финансовых органов. На комиссии по борьбе с контрабандой возлагались организационные, координирующие и контролирующие функции и задачи. О результатах борьбы с контрабандой таможни регулярно информировали созданные Комиссии. В 1922 г. Благовещенская таможня, информируя Амурскую губернскую районную комиссию по борьбе с контрабандой о состоянии дел во втором полугодии, сообщала, что при попыт-

ках контрабандного вывоза ее сотрудниками было задержано: опиума на сумму 2142 руб.; золотых и серебряных российских монет на сумму 1591 руб.; золота шлихового и самородного на 1079 руб.; пушнины на 313 руб.; пантов на 53 руб.; вытежек из животных на 27 рублей. В первом полугодии 1923 года Благовещенская таможня указала, что ее сотрудниками было задержано 120 единиц пушнины [РГИА ДВ, Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 1. Л. 53].

Общее руководство деятельностью по борьбе с контрабандой осуществляла Дальневосточная окружная комиссия по борьбе с контрабандой. В губерниях организация борьбы с контрабандой возлагалась на Амурскую губернскую комиссию по борьбе с контрабандой, Приамурскую губернскую комиссию по борьбе с контрабандой, Приморскую губернскую комиссию по борьбе с контрабандой. В ряде приграничных районов были созданы Районные комиссии по борьбе с контрабандой. Среди них — Амурская районная комиссия по борьбе с контрабандой, Хабаровская районная комиссия по борьбе с контрабандой и др. Приграничные районные комиссии по борьбе с контрабандой решали и практические задачи в борьбе с контрабандой. Районным комиссиям придавались вооруженные отряды из числа таможенных служащих. Так, например, в Приморье, помимо нахождения во Владивостоке губернской комиссии и Владивостокского городского таможенного надзора, на который возлагались задачи выявления контрабанды в ходе проводимых обысков и выемок товаров в пределах г. Владивостока и его пригородов, были созданы Никольск-Уссурийская, Приханкайская и Посъетская районные комиссии по борьбе с контрабандой. 11.03.1923 Приморская губернская комиссия по борьбе с контрабандой «признала целесообразным провести в жизнь предложение Председателя Губернской комиссии об организации при каждой из указанных районных комиссии небольших отрядов из служащих таможенных учреждений, снабдив эти отряды оружием и перевозочными средствами (лошадьми и по возможности плавучими средствами). Отрядам вменить в непрременную обязанность работать в полном контакте с органами охраны границы и ГПУ» [РГИА ДВ. Ф. Р-2470. Оп. 1. Д. 34. Л. 162]. До осени 1923 года во главе указанных Комиссий на Дальнем Востоке стояли представители таможен. Осенью 1923 года руководство Комиссиями по борьбе с контрабандой переходит к представителям ОГПУ.

В районах, оккупированных японцами, работа таможенных органов оказалась невозможной. Так, например, с 1 июня 1920 г. помещение Александровской таможенной заставы на Сахалине было занято японцами под Морской штаб японских вооруженных сил. Японская оккупация Северного Сахалина продлилась пять лет и закончилась 15 мая 1925 года. Лишь после освобождения Северного Сахалина от японцев таможенники смогли приступить к своей работе.

После окончания Гражданской войны, завершения интервенции и установления советской власти таможенные органы в борьбе с контрабандой уделяют значительное внимание вопросам взаимодействия с иными государственными органами, в первую очередь с формируемыми частями погранохраны и органами ГПУ. В отчетной карточке Благовещенской таможни, направляемой в Амурскую губернскую районную комиссию по борьбе с контрабандой, за февраль 1923 г. указывалось: «Граница в районе таможни охранялась сотрудниками таможни и погранохраны совместно. Район в 4 верстах, то есть от Казачьих лагерей до Зейской брандвахты, охранялся 11 пикетами, и кроме того в ночное время высылались два обхода и выставлялись от 2–3 секретов [РГИА ДВ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 1. Л. 66, 66 об.]». При самостоятельном выполнении задач по охране границы пограничники руководствовались «Инструкцией войсковым частям, призываемым к охране границы» [РГИА ДВ. Ф. Р-2470. Оп. 1. Д. 34. Л. 106]. Согласно Инструкции протоколы о контрабанде — черновики и подлинники препровождались в таможню, а копия — командиру роты с представлением таможенной квитанции (без сопроводительной бумаги). В статье 129 Инструкции говорилось: «При снятии с границы призванной части, за окончанием возложенных на нее задач, командир части все указанное в настоящей главе делопроизводство по охране границы передает ближайшему таможенному учреждению. Командир роты, на основании донесений от командиров взводов, сведения о контрабанде направляет в коллегия [РГИА ДВ. Ф. Р-2470. Оп. 1. Д. 34. Л. 106]». Как видно из текста инструкции, при пресечении попытки контрабанды представители погранохраны составляли на нарушителя протокол, который направлялся для последующей регистрации и проведения соответствующих процессуальных действий в ближайшее таможенное учреждение. Регистрация протокола в таможен-

не сопровождалась выдачей представителям погранохраны соответствующей таможенной квитанции.

Привлекались к работе по борьбе с контрабандой и представители милиции. В 1923 г. с целью усиления борьбы с контрабандой, в связи с малочисленностью, вызванной ограниченными штатами, Управляющий Благовещенской таможней обращался к Начальнику управления рабоче-крестьянской милиции об откомандировании в городскую таможню надзор сотрудников милиции для участия в работе надзора [РГИА ДВ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 1. Л. 123].

Справедливо заметить, что отсутствие единой политики и единых подходов к организации борьбы с контрабандой приводило к конфликтным ситуациям между таможенниками и пограничниками. Имелись случаи, когда пограничные органы на местах вмешивались в работу таможенных органов, и даже подменяли их, что послужило основанием для издания приказа ВЧК от 27 февраля 1923 г. за № 252, в котором говорилось: «Несмотря на неоднократные изданные приказы и разъяснения, некоторые погран. органы вмешиваются в работу таможенных учреждений на границе, тем самым парализуя их аппараты. Придавая таможенным органам на границе крупное экономическое значение, ВЧК разъясняет и приказывает прекратить аресты, обыски и вмешательство в работу таможенных органов по необоснованным причинам. Виновные, нарушившие приказ и начальники Особых отделов, отвечающие полностью за действия своих сотрудников, будут привлекаться к ответственности» [РГАЭ.Ф. 413. Оп. 11. Д. 211. Л. 5]. Приказ был подписан заместителем председателя ВЧК И.С. Уншлихтом и начальником Административно-организационного Управления ВЧК Г.Г. Ягодой.

Таким образом, исследование историографических источников показывает, что полного и объективного исследования деятельности таможенных органов на Дальнем Востоке России в годы Гражданской войны, иностранной интервенции и первые годы советской власти, в том числе роли и места таможенной службы в борьбе с контрабандой, до настоящего времени не проводилось. Вместе с тем, как свидетельствуют документы, отложившиеся в отечественных архивах, в годы Гражданской войны, иностранной интервенции и начальный период становления советской власти, несмотря на крайне слож-

ные условия дезорганизации и хаоса экономики, таможенные учреждения на российско-китайском направлении и в крупных морских портах Дальнего Востока свою деятельность не прекращали. Однако обеспечить существующим в те годы таможенным учреждениям Дальнего Востока экономическую безопасность только своими силами в полном

объеме не представлялось возможным. Работа по борьбе с контрабандой в период с 1918 по 1925 г. на Дальнем Востоке велась не только таможенными учреждениями, но и взаимодействующими с ними территориальными органами милиции, подразделениями вооруженных сил, вновь сформированной погранохраной.

Литература

1. Залеская О.В. Контрабанда на границе. Взаимодействие населения приграничных территорий Российского Приамурья и Северной Манчжурии (1917–1924 гг.) // Россия и АТР. 2001. № 4. С. 74–83.
2. Кисловский Ю.Г. Контрабанда: история и современность. М., 1996. 585 с.
3. Колдаев В.М. Из истории организации борьбы с контрабандой в СССР, 1917–1930 гг. // Правоведение. 1970. № 6. С. 101–107.
4. Мазохин О.Б. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 448 с.
5. Печерица В.Ф. Очерки истории дальневосточной таможни: в 2 ч. Ч. 1: 1899–1945 гг. Владивосток, 2002. 166 с.
6. Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири по 1 января 1912 г. СПб., 1912. С. 32–38.
7. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М., 1977. 368 с.
8. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1990. 352 с.
9. Таможня на Тихом океане: Документы и материалы. Вып. 1. Благовещенская таможня / Н.А. Беляева, Н.А. Троицкая, Е.Д. Яворская. Владивосток, 2002. 124 с.
10. Хитин М.С. Пограничная охрана Дальневосточной республики // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 5–5.
11. Чугунов А.И. Борьба на границе, 1917–1928 (Из истории пограничных войск СССР). М., 1980. 183 с.

Деятельность петроградской охранной команды охранного отделения Российской империи в годы Первой мировой войны

*Шныров Андрей Евгеньевич,
адъютант Санкт-Петербургского военного института
войск национальной гвардии
shnirovae@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию деятельности Петроградской охранной команды охранного отделения Российской империи в годы Первой мировой войны. Представлен краткий анализ причин, вызвавших потребность в возникновении охранной команды охранного отделения Российской империи и правовых актов, регламентировавших ее организацию и функционирование в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: правоохранительная система, Первая мировая война, правоохранительные органы, охранная команда, охранное отделение, охрана Царской семьи.

Activities of the Petrograd Security Team of the Secret Police Department of the Russian Empire during the First World War

*Shnyrov Andrey E.,
Adjunct to the Saint-Petersburg military Institute
of National Guard Troops*

The article is devoted to the activities of the Petrograd security team of the secret police of the Russian Empire during the First World War. A brief analysis of the causes of the need for the appearance of the

security team of the secret police of the Russian Empire and legal acts, regulating its organization and functioning in the years of the First World War.

Key words: *the law enforcement system, the First World War, law enforcement, security team, security Department, protection of the Royal family.*

В начале XX века военная обстановка в России и за ее пределами сильно обострилась. Верховная власть понимала перспективу неизбежного вовлечения Российской империи в назревавшую мировую войну. Ситуация внутри страны была осложнена низким уровнем жизни ее граждан, активным подпольным движением революционных масс, выступающих против существующего политического, социального и экономического режима. В эти тяжелые для страны годы главным гарантом стабильности и сохранности государственной власти служила действующая правоохранительная система.

В России остро возникла необходимость в создании специального органа, в обязанности которого входило бы своевременное обнаружение «опасных», представляющих угрозу охраняемому лицу субъектов, сбор информации о них и отсылка их в жандармские корпуса. Существовавшие тогда жандармские подразделения были недостаточно приспособлены к специфической охранной деятельности первых лиц государства из-за своих полномочий, что подтверждалось покушением в 1981 году на наследника престола цесаревича Николая во время его визита в Японию, многочисленными покушениями на П.А. Столыпина и его убийством в Киеве, а также другими террористическими актами в отношении высокопоставленных особ. Это и стало поводом для того, чтобы в марте 1916 года создать Особую комиссию для выработки инструкции по охране императора и его семьи. Председателем этой комиссии был назначен член Совета Министра внутренних дел Сергей Евлампиевич Виссаронов. Результатом деятельности этой комиссии стало «Положение об Охранной команде Петроградского охранного отделения»¹, утвержденное приказом от 29 января 1917 года². Данное Положение из-за важности его содержания имело совершенно секретный характер. В него входили обязанности чинов Охранной команды (Инструкция чинам отряда подвижной охраны; Обязанности старших агентов; Обязанности постовых агентов; Обязанности агентов, стоящих на постах в подъездах охраняемых лиц в форме швейцаров; Обязан-

ности агентов, несущих службу в форме курьеров; Обязанности агентов, командированных для охраны высокопоставленных лиц в пути по железнодорожным и грунтовым дорогам и на пароходах). Однако в целях избежания ошибок прошлого необходимо проанализировать способы, с помощью которых Российское государство стремилось узаконить деятельность Охранной команды охранного отделения; изучить не только сущность нормативных актов, но и эффективность их применения³. Данное Положение определило статус и задачи членов охранной команды Охранного отделения. Начнем с того, что Охранная команда подчинялась непосредственно Петроградскому охранному отделению, которое в свою очередь подчинялось Департаменту полиции Министерства внутренних дел⁴ и руководствовалось настоящим Положением. Штат Охранной команды состоял из агентов, старших агентов и Заведывающего (так написано в историческом документе) Охранной командой. Важную гарантию оперативности деятельности охранной команды и других правоохранительных органов составляла возможность их непосредственного взаимодействия. Нормы Положения об Охранной команде Петроградского охранного отделения указывали на то, что все правоохранительные органы, общественные и государственные учреждения состояли между собой в близком взаимодействии.

Анализ материалов проведенных исследований позволяет сделать вывод о том, что Охранная команда наиболее активно взаимодействовала с охранными отделениями и жандармскими управлениями. Это было вызвано аналогичностью выполняемых задач⁵. Таким образом, видно, что Охранная команда охранного отделения выполняла часть функций, которые раньше выполнял Корпус жан-

¹ Далее — Положение.

² ГАРФ. Ф. 111. О. 3. Д. 250. Л. 1–11.

³ Свечников Н.И., Кадомцева А.С. Некоторые особенности деятельности охранных отделений Российской империи // Вестник Пензенского государственного университета. 2015. № 2 (10). С. 64–69.

⁴ Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С., Чернышев Б.В., Лобанов А.В. / Полиция России: Документы и материалы. 1718–1917 гг. Саратов : СЮИ МВД России, 2002. 400 с.

⁵ Калинин Н.В. Деятельность охранных отделений (конец XIX — начало XX в.) // Известия вузов. Правоведение. 2008. № 2. С. 203–210.

дармов. Основная сущность и цель мероприятий, проводимых сотрудниками Охранной команды, были представлены в Положении об охранной команде Петроградского охранного отделения.

Охранная команда была создана с целью несения специальной службы по охране Его императорского величества, членов Царской семьи, Высочайших особ и других высокопоставленных лиц, относительно которых последует особое распоряжение. Охранная команда состояла в заведывании помощника начальника Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Петрограде и действовала под непосредственным руководством, наблюдением и по указаниям начальника охранного отделения. «Заведывающим» охранной командой был подполковник Терехов. В зависимости от условий охраны в помощь «заведывающему» Охранной команды командировалось необходимое число офицеров Отдельного Корпуса жандармов. Несколько офицеров из состава Охранной команды назначались для несения специальной службы по охране Председателя Совета Министров и Министра внутренних дел и заведовали всеми внутренними постами при домах, занимаемых этими лицами, неся ответственность за правильное несение службы. Тем самым можно видеть, каким высоким уровнем профессиональной подготовки обладал каждый член Охранной команды. Численность агентов Охранной команды определялась по мере необходимости товарищем Министра внутренних дел. Сами агенты Охранной команды числились на государственной службе полицейскими надзирателями или городскими на общем основании. Непосредственная ответственность за несение службы лежала исключительно на «заведывающем» Охранной командой, который о каждом вновь организованном наряде охраны доносил начальнику Отделения по охране общественной безопасности и порядка.

Департамент Полиции определял, когда, куда, в чье распоряжение и в каком составе командировается Охранная команда. Содержание Охранной команды происходило из сумм Департамента Полиции ежемесячным авансом.

Обеспечение благополучного проживания и выездов охраняемых лиц осуществлялось путем выставления из числа агентов Петроградской Охранной команды суточных и дневных постов как внутри, так и снаружи дома, в зависимости от окружающей мест-

ности и обстановки. Агенты Охранной команды были обязаны твердо знать и исполнять все требования настоящего Положения и особые исходящие от начальника Охранного Отделения указания по охране отдельных лиц.

Агенты Охранной команды состояли из обходных (старших) агентов и постовых. Последние в зависимости от условий охраны занимали посты в качестве сторожей, привратников, швейцаров, курьеров и т.д. Из чего можно сделать вывод, что охрана первых лиц государства зачастую носила конспиративный характер.

С целью усиления розыскного учреждения той местности, где предполагается пребывание охраняемого высокопоставленного лица, чины Охранной команды направлялись в распоряжение начальника розыскного органа. Они должны были помнить и знать, что главная их цель — полное обеспечение безопасности проезда и пребывания императора, а главной задачей являлось контрнаблюдение, то есть выяснение, не ведется ли кем-либо в данной местности слежение с преступными целями.

По указанию начальника розыскного органа чины Охранной команды распределялись для обслуживания вокзалов и пристаней, а также на узловые и ближайшие станции. Чины Охранной команды заблаговременно обследовали все прилегающие к пунктам предстоящих высочайших посещений местности с целью выяснения, откуда злоумышленники могли бы вести наблюдение за проездами и какое число филерских обходов необходимо для освещения местности, прилегающей к каждому пункту посещения. Каждый агент Охранной команды имел при себе список и альбом фотографий террористов, подлежащих аресту. В зависимости от поставленных задач каждый агент руководствовался соответствующими обязанностями. Так, например, в целях охраны линии проезда Императора чины Охранной команды, обслуживающие железнодорожные вокзалы, станции и пристани, должны были руководствоваться Инструкцией чинам отряда подвижной охраны. Согласно данной Инструкции чины Охранной команды поступали в непосредственное распоряжение Начальника Отряда подвижной охраны. Для наиболее успешного выполнения своих задач агенты, обслуживающие вокзалы и пристани, должны были хорошо изучить всю окружающую вокзал и пристань местность с расположенными на ней строениями, дворами и подступами;

установить с вокзальной и пароходной администрацией и с ними деловые отношения. В случае встречи революционера, подлежащего безусловному аресту (§ 23 Положения), агент должен был незамедлительно его задержать, действуя при этом быстро, осторожно и без лишнего шума. В случае встречи агентами лица, вызывающего подозрение, таких лиц немедленно брали в наблюдение с целью дальнейшего выяснения их связей.

Также в состав Охранной команды входили старшие агенты. Они отвечали за аккуратное и правильное несение службы подчиненными агентами и являлись ответственными за них. Старшие агенты вели списки посетителей, служащих у охраняемых лиц, знали тех лиц, которые проживали по одной лестнице с охраняемым лицом, знали в лицо и по фотографиям постоянных посетителей охраняемых лиц и живущих с ними, а также всю администрацию дома, в котором охраняемые лица проживали. Старшие агенты подчинялись Начальнику Охранного отделения, «заведывающему» Охранной командой и офицеру, состоящему при охраняемом лице.

В местах проживания охраняемых лиц несли службу постовые агенты, в чьи обязанности входили охрана, наблюдение за всеми лицами, проживающими, приходящими и уходящими в доме охраняемого лица. О возбуждающих подозрение лицах агенты должны немедленно поставить в известность старшего в охране агента, который со своей стороны устанавливает наблюдение за подозрительным лицом и принимает меры к сопровождению его в полицейский участок.

Также в подъездах домов охраняемых лиц существовали агенты, стоящие на постах в форме швейцаров. В их обязанности входило тщательно следить, чтобы парадная дверь подъезда была всегда закрыта, чтобы кроме лиц, приглашенных к охраняемому лицу на прием, его гостей и домашней прислуги, никто без разрешения не мог проникнуть в квартиру. Агенты наблюдают, чтобы никто из посторонних лиц не мог пронести без осмотра в помещение охраняемого лица какие-либо предметы или вещи.

Агенты, несущие службу в форме курьеров (агенты-курьеры), в случае надобности заменяют собою швейцаров, а потому в отношении охраны они обязаны знать все обязанности швейцара. В исполнение своих специальных обязанностей агенты-курьеры должны провожать до приемной комнаты лиц, получивших разрешение на прием у охраняемого лица, и

наблюдать, не находятся ли они в возбужденном состоянии во время самого приема; агенты-курьеры следят за всеми движениями посетителей, с целью предупредить возможность какого-либо выступления с их стороны. При несении своих обязанностей агент-швейцар и агент-курьер своим внешним видом и образом действий должен стараться не возбудить в ком-либо из посетителей ни малейшего сомнения в своей личности.

Для охраны высокопоставленных лиц в пути по железным и грунтовым дорогам и на пароходах существовали командированные агенты. Для охраны в пути лиц, в отношении которых последовало особое распоряжение Департамента полиции об их охране, назначалось определенное число агентов, причем один из них распоряжением «заведывающего» Охранной командой назначается за старшего.

Если охраняемое лицо ехало в салоне-вагоне, то один из агентов одевался в форму железнодорожного проводника, а другой — в форму курьера соответствующего ведомства, если же охраняемое лицо ехало в общем вагоне, то одевалось в штатское платье. По прибытии на вокзал агенты знакомились с начальником поезда, главным кондуктором и секретно сообщали им о целях своего нахождения в поезде. После этого они тщательно осматривали в поезде салон-вагон и купе, на пароходах — каюту, а при грунтовых дорогах — автомобиль или карету, дабы убедиться, не скрыто ли там каких-нибудь предметов, могущих служить орудием для покушения на жизнь охраняемого лица.

Агенты должны были знать в лицо поездную прислугу и убеждаться, что сменяющиеся проводники и кондуктора действительно железнодорожные агенты. Агенты обязательно помнили, что и в форме железнодорожных агентов могут проникнуть злоумышленники, а потому при смене бригады они просили главного кондуктора показать им всех агентов новой бригады.

Если окажется, что в поезде едут лица, подлежащие аресту, то агенты на первой же станции сообщают об этом жандармской полиции и требуют их арестовать, о чем сообщали «заведывающему» Охранной командой. В случае если агенты обнаруживали подозрительных лиц, то они усиливали за ними наблюдение, о чем ставили в известность начальника поезда или главного кондуктора. В крайних случаях агенты могли требовать помощи от жандармской полиции.

При следовании охраняемого лица по грунтовым или шоссейным дорогам агенты одевались в штатское платье. Старший из агентов спрашивал у охраняемого лица разрешения сесть в его мотор вместе с шофером, а если в карете — то на козлах в виде выездного лакея, и следовал с ним до места назначения. При проездах охраняемого лица на пароходах агенты несли обязанности применительно к вышеизложенным правилам, имея в виду, что каюта охраняемого лица должна была охраняться как железнодорожное купе.

Исходя из вышеизложенного и анализируя причины создания Охранной команды, можно сделать вывод о том, что появление нового правоохранительного учреждения было обосновано ростом революционной активности населения, недоговорного самодержавия⁶. Однако эффективная работа Охранной команды по противодействию революционной активности, тем не менее не смогла убедить императора от ареста и вынужденного отречения на железнодорожной станции Дно 2 марта 1917 года.

Проблема правового регулирования деятельности правоохранительных органов, призванных осуществлять безопасность первых лиц государства, была актуальной всегда. Знание исторических корней и традиций правового регулирования деятельности Охранной команды охранного отделения Рос-

сийской империи может быть использовано в становлении современной системы правоохраны и позволит избежать ошибок, допущенных в прошлом.

В целом сформировавшаяся в течение 80-х годов XIX в. нормативно-правовая база, устанавливающая организационные основы деятельности Санкт-Петербургского охранного отделения, была фактически неизменной почти 30 лет вплоть до упразднения Охранной команды вместе с отделением после Февральской революции 1917 г.⁷

Таким образом, в правоохранительной системе Российской империи начала XX в. Охранная команда Петроградского охранного отделения занимала особое место и обладала особым статусом⁸. Она являлась важным звеном в системе органов государственной безопасности Российского государства. Секретный характер их деятельности и важность выполняемых задач мотивировали действующую власть полностью скрывать их существование (Положение было СЕКРЕТНОЕ). Большой объем предоставленных полномочий, был обусловлен необходимостью и важностью обеспечения безопасности первых лиц государства в военное время.

⁶ Реент Ю.А. *Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.)* : монография. Рязань : Узорочье, 2001. С. 221.

⁷ Миняйленко Н.Н., Кеклис А.Ю. *Организационно-правовые основы деятельности Санкт-Петербургского охранного отделения (1867–1887 гг.)* // *История государства и права*. 2010. № 23. С. 20–23.

⁸ Колпакиди А., Север А. / *Специальные службы российской империи*. М. : Эксмо, 2010. 768 с.

Литература

1. ГАРФ. Ф. 111. О. 3. Д. 250. Л. 1–11.
2. Калинин Н.В. *Деятельность охранных отделений (конец XIX — начало XX в.)* // *Известия вузов. Правоведение*. 2008. № 2. С. 203–210.
3. Колпакиди А., Север А. / *Специальные службы российской империи*. М. : Эксмо, 2010. 768 с.
4. Миняйленко Н.Н., Кеклис А.Ю. / *Организационно-правовые основы деятельности Санкт-Петербургского охранного отделения (1867–1887 гг.)* // *История государства и права*. 2010. № 23. С. 20–23.
5. Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С., Чернышев Б.В., Лобанов А.В. *Полиция России: Документы и материалы. 1718–1917 гг.* Саратов : СЮИ МВД России, 2002. 400 с.
6. Реент Ю.А. *Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.)* : монография. Рязань : Узорочье, 2001.
7. Свечников Н.И., Кадомцева А.С. / *Некоторые особенности деятельности охранных отделений Российской империи* // *Вестник Пензенского государственного университета*. 2015. № 2 (10). С. 64–69.

Деятельность по обеспечению информационной безопасности страны в период распада СССР

*Яковец Евгений Николаевич,
профессор кафедры организации оперативно-разыскной деятельности
Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
koshka997@yandex.ru*

В статье говорится о негативных последствиях политики «демократизации» и «гласности», проводившейся руководством СССР с середины 1980-х годов. Дается краткая оценка информационных угроз, которые обусловили поражение Советского Союза в «холодной войне» и его распад.

Ключевые слова: государственные секреты; криптография; некриптографические методы защиты информации; цензурная деятельность; деструктивные политические процессы; разглашение секретной информации.

Provision of Country Information Security during the Collapse of the USSR

*Yakovets Evgeniy N.,
Professor of the Department of Organization of Operations and Search Activities
of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor*

In the article talked about the negative consequences of politics “of democratization” and “publicity”, conducted by managing the USSR from middle of 1980th. The short estimation of informative threats that stipulated the defeat of Soviet Union in “cold war” and his disintegration is given.

Key words: state secrets; cryptography; noncryptographic methods of information protection; censorship activities; destructive political processes; the disclosure of classified information.

Действия пришедшего к власти в 1985 г. нового партийного руководства, намеревавшегося реформировать СССР, привели в конечном итоге к развалу страны и ее поражению в «холодной» войне. Немаловажную роль в этом сыграло ослабление информационной безопасности советского государства и его психологической устойчивости.

О причинах и последствиях катастрофы, постигшей нашу страну, написано достаточно много. Приведем лишь два характерных высказывания на этот счет. Авторы монографии «Основы безопасности России» под редакцией В.А. Баришпольца отмечают следующее: «Существовавшие в СССР общественный строй и политическая система были ликвидированы, изменено национально-государственное устройство. Произошли радикальные изменения в общественном сознании, результатом чего стали растерянность, дезориентация, неспособность к сопротивлению. Отречение общества от прежних идеалов носило обвальный характер. Никакого организованного сопротивления не было. Побежденная страна, как в древнее время, была отдана на разграбление. В результате деятельности реформаторов в России началась «чер-

ная» приватизация. Богатства, накопленные в СССР за десятилетия и составлявшие общенародную собственность, растаскивались и раздавались за бесценок. Шаг за шагом началось разрушение промышленности, сельского хозяйства, науки и новых технологий, образования и культуры, медицины, армии, правоохранительных органов. Ниже критической отметки опустилась обороноспособность страны, резко упал жизненный уровень населения.

Согласие граждан на все эти изменения было получено не благодаря свободному волеизъявлению народа, а в результате манипуляции общественным сознанием во время перестройки и либеральных реформ, подавивших способность людей к адекватному восприятию происходящих событий, к объединению и сопротивлению. В сознание народа средствами массовой информации были вбиты слова-символы: рынок, демократия, права человека, свобода, реформы, открытое общество, цивилизованные страны и др. В то время это были слова, не несущие реального смысла (да он, по сути, и по сей день не прояснился), и каждый мог понимать под ними все что угодно. Из таких символов кон-

струировались мифы, которые уводили массовое и общественное сознание от возможности рационального осмысления»¹.

Показательно в этой связи и высказывание известного кинорежиссера С.С. Говорухина, автора нашумевших в свое время документальных фильмов «Россия, которую мы потеряли» и «Великая криминальная революция». Он отмечает в частности: «Мы многие годы занимались разрушением собственной страны, уничтожением всего самого хорошего, что было создано предыдущими поколениями. С последствиями нашествия гитлеровцев мы справились за 5–6 лет. А то, что наделали с 1987-го по 2000-е, не восстановить и за 50 лет...»².

При полном хаосе в сознании советских людей, на фоне демонтажа прежней политической надстройки и слома экономического базиса государства предпринимались беспрецедентные меры по сдаче позиций страны на международной арене, в результате которых держава лишилась союзников и своего геополитического пространства. В конце концов под дружные аплодисменты Запада страна распалась на части, погрузившись в пучину социальных конфликтов и бандитских «разборок».

Всему этому в немалой степени способствовало и ослабление мер по сохранению государственных секретов. На первый взгляд, система их защиты оставалась неизменной, о чем свидетельствовало появление новых нормативных правовых актов, например, «*Инструкции по обеспечению режима секретности в министерствах, ведомствах, на предприятиях, в учреждениях и организациях СССР*», утвержденной постановлением Совета Министров СССР от 12 мая 1987 г. № 556-126, которая предусматривала юридическую ответственность за разглашение сведений, составивших государственную и служебную тайну.

В этот период получила также дальнейшее развитие криптографическая защи-

та информации: 30 апреля 1990 г. специальным постановлением Совета Министров СССР № 439-67 было утверждено «*Положение о разработке, изготовлении и обеспечении эксплуатации шифровальной техники, государственных и ведомственных систем связи и управления и комплексов вооружений, использующих шифровальную технику*»³. Криптография позволяла наиболее эффективным образом защитить государственные секреты от таких известных к тому времени разведывательных методов добывания информации, как считывание данных на расстоянии с компьютерных дисков, фиксация голоса в помещении по вибрации оконных стекол, воспроизведение текста по губам лиц, ведущих разговор, а также от различного рода «жучков» для снятия информации с коммуникаций и многого другого.

Наряду с этим на режимных объектах активно применялись и некриптографические способы защиты информации. С выходом в свет постановления Совета Министров СССР от 10 июля 1984 г. № 733-162, утвердившего *Положение по противодействию иностранным техническим разведкам*, были созданы условия для наиболее эффективного решения задач, относившихся к компетенции Гостехкомиссии СССР. Расширилась сеть постоянно действующих технических комиссий на местах. Появлялись новые способы защиты информации в банковском деле, коммерческой деятельности, электронном документообороте⁴.

Тем не менее реальные угрозы информационной безопасности государства все же существовали, причем инициировались они той сферой деятельности, которая до этого представлялась неизменной, — цензурой. Вначале и здесь все складывалось относительно благополучно: 4 сентября 1986 г. Главлит СССР издал дополнительный приказ, в котором цензорам предписывалось сосредоточить особое внимание на вопросах, связанных с охраной государственных и военных тайн в печати, и информировать партийные органы о существенных нарушениях в идеологической сфере.

21 декабря 1987 г. им же были утверждены «*Единые правила печатания несекрет-*

¹ Баришполец В.А., Дурнев Р.А., Махутов Н.А., Прокофьев В.Ф., Шойгу Ю.С. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Основы информационно-психологической безопасности / под общ. ред. В.А. Баришпольца. М.: МГОФ «Знание», 2012. С. 300–301.

² «Презираю глупых людей»: Станислав Говорухин — об интеллигентах — врагах Отечества: интервью С. Говорухина корреспонденту еженедельника «Аргументы и факты» О. Шаблинской // Аргументы и факты. 2014. № 37. С. 3.

³ Шевякин А.П. КГБ против СССР. 17 мгновений измены. М.: Яуза, ЭКСМО, 2011. С. 35.

⁴ Беляев Е. Защита информации в России: Исторический аспект // Оружие и технологии России. Энциклопедия XXI век. Информационная безопасность России. М.: Экзамен, 2003. Т. VIII. С. 582–585.

ных изданий», а спустя три месяца — 25 марта 1988 г. — введено в действие «Положение о порядке подготовки материалов, предназначенных для открытого опубликования и издания с грифом «Для служебного пользования»».

В том же году приступила к работе Межведомственная комиссия, образованная при Главлите СССР, которая начала пересмотр изданий с целью передачи их из отделов специального хранения в «открытые» фонды. Итогом ее деятельности явился приказ Главлита СССР от 9 июля 1990 г. «О ликвидации спецхрана», в котором предписывалось передавать все находившиеся там книги в общие фонды библиотек.

До этого — 5 октября 1988 г. — появилось постановление Совета Министров СССР «О генеральной схеме управления системы охраны государственных тайн в печати», которое разрешало Главлиту СССР сотрудничать с редакциями на договорной основе в области защиты информации ограниченного доступа. Меньше чем через два года — 24 августа 1990 г. — было принято еще одно постановление Совета Министров СССР — «Об утверждении временного положения о Главном управлении по охране государственных тайн в печати и других средствах массовой информации (ГУОТ) при Совете Министров СССР». В этом же году ГУОТ при Совете Министров СССР издал «Методические рекомендации по охране сведений, подлежащих защите от разглашения в печати и других средствах массовой информации»⁵.

Вскоре — 13 апреля 1991 г. — в соответствии с постановлением Кабинета Министров СССР Главлит был упразднен, а его функции перешли Министерству информации и печати СССР, при котором 25 июля 1991 г. было создано «Агентство по защите государственных секретов в средствах массовой информации», явившееся правопреемником ГУОТ. Однако через три месяца в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 15 октября 1991 г. и приказом Министерства информации и печати СССР от 24 октября 1991 г. это Агентство также было ликвидировано⁶.

Таким образом, заниматься вопросами защиты государственных секретов в печати стало практически некому.

Параллельно с этим процесс «гуманизации» цензурной деятельности протекал и в различных творческих союзах, организациях, а также средствах массовой информации. В мае 1986 г. на V съезде Союза кинематографистов СССР неожиданно было переизбрано все его правление. По аналогичному сценарию затем произошла смена руководства и в других творческих союзах. Сменились главные редакторы ряда газет и журналов, впоследствии занявшие наиболее критические позиции по отношению к действовавшей власти («Новый мир», «Московские новости», «Аргументы и факты» и др.). С конца 1986 г. стали публиковаться запрещенные прежде литературные произведения, демонстрироваться лежавшие на полках кинофильмы.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 25 сентября 1986 г. было принято решение прекратить глушение передач отдельных зарубежных радиостанций, а с 30 ноября 1988 г. оно было прекращено вовсе⁷.

12 июня 1990 г. в развитие положений Специальной резолюции XIX конференции КПСС «О гласности» Верховным Советом СССР был принят Закон № 1552-1 «О печати и других средствах массовой информации». Он полностью запрещал цензуру в средствах массовой информации, юридически обеспечивая формирование «свободных» СМИ. Предоставив широкие права на учреждение печатных изданий и других средств массовой информации, этот Закон взамен разрешительного принципа регистрации СМИ обеспечивал ее заявительный характер. По данным Госкомпечати СССР, на 15 марта 1991 г. в стране было зарегистрировано более 1800 газет и журналов, рассчитанных на общесоюзную аудиторию⁸, многие из которых были настроены оппозиционно или критически по отношению к советскому государству.

Отмеченные процессы, с одной стороны, способствовали оживлению информационного пространства СССР, что можно было бы расценивать положительно. Тем не менее четко выраженная антисоветская тональность большинства новых СМИ была направлена на полное отрицание и ниспровержение

⁵ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. : учебное пособие. М. : Аспект-пресс, 2001 // URL: <http://evartist.narod.ru/text9/38.htm>

⁶ Хронология советской цензуры: материалы из Википедии — свободной энциклопедии // URL: [http://ru.wikipedia.org/...](http://ru.wikipedia.org/)

⁷ Перестройка: материалы из Википедии — свободной энциклопедии // URL: [http://ru.wikipedia.org/...](http://ru.wikipedia.org/)

⁸ Балябина М. АПН во времена перестройки // URL: <https://m.ria.ru/>

всего того положительного, что было накоплено социализмом. А положительный опыт в социально-экономической сфере, как уже подчеркивалось выше, действительно имелся, и его нельзя было сбрасывать со счетов. Известный российский историк и политолог В.Э. Багдасарян доказывает, что дела в народнохозяйственном комплексе СССР обстояли не так безнадежно, как это пытались представить «реформаторы»: в экономической гонке Советский Союз вовсе не проигрывал США. «Невозможно согласиться с современной идеологией о фатальной обреченности советской системы, — отмечает указанный автор. — За семидесятилетнюю историю существования СССР были более тяжелые во всех отношениях времена, нежели кризис конца 1980-х — начала 1990-х гг. Успешно преодолевая их, советская модель доказывала свою жизнеспособность. К гибели государственности привело не сохранение системы, а напротив, отступление от принципов ее функционирования, обнаруживавшееся в политике перестройки...»⁹.

Завершая краткий анализ эволюции цензурной деятельности в рассматриваемый период, нельзя не задать вопрос: действительно ли демократическому обществу противопоставлена цензура, т.е. защита общества и каждого человека в отдельности от агрессивных информационных воздействий, откровенной лжи и клеветы, а также от утечки государственных и иных секретов? Автор данной статьи солидарен на этот счет с мнением Г.В. Жиркова, который отмечает следующее: «...Не было в истории еще общества, государства без определенного цензурного режима и его организации в той или иной степени. История мировой и отечественной цензуры показывает, что она является необходимым атрибутом государства, того или иного типа власти»¹⁰.

При полном отсутствии цензуры период распада советской государственности помимо информационных атак на сознание населения, характеризовался также разглашением в печати сведений ограниченного доступа, в первую очередь — государственной тайны. Вначале у людей формировалось крайне негативное представление о роли безопасности и ее составной части — защиты информации —

в жизни общества и государства. Эти понятия рассматривались как нечто, противостоящее индивидууму, и от чего необходимо было отказаться на пути демократизации страны. Подобный подход, проявившийся в годы «перестройки», способствовал разрыванию широкой волны критики органов государственной безопасности, нередко сопровождавшейся их дискредитацией. Одновременно высказывалось резко негативное мнение относительно якобы сверхцентрализованной системы защиты государственной тайны. Считалось, что эта система консервативная и недемократичная, поскольку основывалась она исключительно на подзаконной и ведомственной правовой основе¹¹. И все это несмотря на то, что данная система была практически идеальной, в связи с чем ее ни при каких обстоятельствах не следовало дестабилизировать. В итоге вся эта пропагандистская кампания завершилась банальным разглашением самых сокровенных тайн государства.

Для того чтобы представить себе реальное состояние защиты государственных секретов в августовские дни 1991 г., следует обратиться к книге Е.М. Стригина «От КГБ до ФСБ (почетительные страницы отечественной истории)», где описывается неконтролируемый процесс утечки секретной информации через «демократические» СМИ, который поставил под удар деятельность всех государственных структур¹².

Что говорить о средствах массовой информации, если в отдельных случаях информирование потенциального противника о государственных секретах страны осуществлялось с санкции высшего руководства страны — «в знак доброй воли»? Наиболее показательной в этом плане явилась официальная передача вновь назначенным руководителем КГБ СССР В.В. Бакатиным чертежей и иной технической документации, связанной с подслушивающими устройствами в московском посольстве США, американскому послу в СССР Р. Страусу 5 декабря 1991 г. Таких подарков американцы не получали ни от одной спецслужбы мира¹³.

¹¹ Столяров Н.В. Организация защиты государственной тайны в России // URL: <http://www.sec4all.net/gostaina-russ/html>

¹² Стригин Е.М. От КГБ до ФСБ (почетительные страницы отечественной истории). Электронная версия 2.3 // URL: <http://www.kprfkr.ru/publications/strigin.php?id=5>

¹³ Мэлтон К., Алексеенко В. Что же «сдал» Бакатин? // ДЕЛО №. 2004. 13 сентября // URL: <http://archive.today/Ncmdi#selection-343.17-343.25>

С учетом всего сказанного следует констатировать, что в нынешних довольно непростых условиях ведения Западом «гибридных войн» против России органам исполнительной власти, ответственным за обеспечение информационной безопасности нашей страны, необходимо учесть негативный опыт СССР в информационном противостоянии со своими геополитическими противниками и предпринять все возможное,

чтобы не допустить вновь подобной ситуации.

Более того, в сложившихся реалиях для эффективного противодействия подобным атакам необходимо перейти от привычного поддержания информационной безопасности государства к организации его *информационной обороны*, которую следует рассматривать в качестве одного из приоритетных направлений защиты нашего Отечества.

Литература

1. Багдасарян В.Э. Почему погиб СССР? // URL: <http://vbagdasaryan.ru/pochemu-pogib-sssr/>
2. Балябина М. АПН во времена перестройки // URL: <https://m.ria.ru/>
3. Баришполец В.А., Дурнев Р.А., Махутов Н.А., Прокофьев В.Ф., Шойгу Ю.С. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Основы информационно-психологической безопасности / под общ. ред. В.А. Баришпольца. М. : МГОФ «Знание», 2012. С. 300–301.
4. Беляев Е. Защита информации в России: Исторический аспект // Оружие и технологии России. Энциклопедия XXI век. Информационная безопасность России. М. : Экзамен, 2003. Т. VIII. С. 582–585.
5. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. : учебное пособие. М. : Аспект-пресс, 2001 // URL: <http://evartist.narod.ru/text9/38.htm>
6. Мэлтон К., Алексеев В. Что же «сдал» Бакатин? // ДЕЛО №. 2004. 13 сентября // URL: <http://archive.today/Ncmdi#selection-343.17-343.25>
7. Перестройка: материалы из Википедии — свободной энциклопедии // URL: [http://ru.wikipedia.org/...](http://ru.wikipedia.org/)
8. «Презираю глупых людей»: Станислав Говорухин — об интеллигентах — врагах Отечества : интервью С. Говорухина корреспонденту еженедельника «Аргументы и факты» О. Шаблинской // Аргументы и факты. 2014. № 37. С. 3.
9. Столярков Н.В. Организация защиты государственной тайны в России // URL: <http://www.sec4all.net/gostaina-russ/html>
10. Стригин Е.М. От КГБ до ФСБ (поучительные страницы отечественной истории). Электронная версия 2.3 // URL: <http://www.kprfkr.ru/publications/strigin.php?id=5>
11. Хронология советской цензуры: материалы из Википедии — свободной энциклопедии // URL: [http://ru.wikipedia.org/...](http://ru.wikipedia.org/)
12. Шевякин А.П. КГБ против СССР. 17 мгновений измены. М. : Яуза, ЭКСМО, 2011. С. 35.

Политический миф и насилие

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации
kafedra-igp@yandex.ru*

В статье затрагивается важная проблема социальной политики — вопрос об идеологическом оформлении политического насилия. Политический миф создает идейное пространство для практической деятельности государства и отдельных мыслителей. Проблема особенно остро стоит в революционные периоды истории, когда насилие особенно ошутимо. Социальные аспекты насилия приобретают форму этических или юридических нормативов. Исторический опыт позволяет проследить эту трансформацию мира в идеологию, а идеологии — в политическое действие.

Ключевые слова: революция, насилие, закон, политический миф, конституция, легитимность, легальность, субъект права, нормативность, идеология.

Political Myth and Violence

*Isaev Igor A.,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Law, Professor*

The article discusses the ideological form of political violence, as an important issue of social policy. Political myth causes ideology for practical activities of the state and individual thinkers. The problem is particularly acute in the revolutionary periods, when violence is particularly noticeable. Social aspects of violence take on the form of ethical or legal standards. Historical experience allows us to follow the transformation of the peace in ideology, and ideology - in political action.

Key words: revolution, violence, law, political myth, constitution, legitimacy, legality, subject of law, standardization, ideology.

Термин «революция» пришел когда-то из астрономии, где он обозначал определенный элемент вечного и повторяющегося движения. Он становится политическим термином только в XVII веке, при этом по-прежнему подразумевая присутствие некоего повторяющегося процесса. Этим объясняется и тот факт, что революции XVII–XVIII веков задумывались и планировались преимущественно как процессы реставрации и возвращения прежних традиционных и законных прав и свобод. Собственно говоря, само «новое начало» в качестве особого политического феномена было осознано и сформулировано только в революции конца XVIII века, породившей специфический пафос новизны: «если все изменилось в физическом порядке, то и все должно измениться в порядке моральном и политическом» (Робеспьер). «Новое», достигнув области политики, стало для нее и истории настоящей точкой отсчета: при этом оно стало казаться столь же неодолимым, как вечное космическое вращение звезд

и планет, — уже позже XIX век трансформирует эту идею неодолимости в оформленную и наукообразную идею исторической необходимости.

Но необходимость императивна уже по своей сути и составляет основу нормативности. Историческая же необходимость предполагает, кроме того, еще и внедрение исторической материи, фактов в сферу должного, тем самым выстраивая в ней соответствующие закономерности. Тогда право и этика впитывают в себя природные интенции и воспринимая из упорядоченной природы логику и систематику причинно-следственных связей. При этом рождается вполне оправданное представление о том, что сами эти закономерности и связи являются продуктами человеческой деятельности. Природа — только советчик, но не создатель, и к ней можно относиться по-разному: либо принимая за источник и образец, либо включая ее в качестве факта и элемента в сложную материю общественной жизни.

Радикальные изменения, т.е. революции, превратили именно природу в широком смысле в источник «естественных прав», сделав ее образы универсальными и вечными. Историческая текучесть оставалась в удел прошлому, как не организованный разумом хаос и заблуждения. Только разум, осознавший закономерности жизни и сформулировавший на этой основе законы общества, был бы в состоянии навести необходимый порядок. Поскольку трансцендентные основания были отвергнуты как принадлежность «старого порядка», новые умозрительные принципы создавались из ничего, но с соответствующими ссылками на законы природы: «если духовенство и монархисты притязали на традиционные особые права, как на божественное право, то революционеры в своей аргументации прибегали к природе» (Ч. Бёрд).

Лео Штраус заметил, что исторически и политически признание всеобщих принципов имеет скрытую тенденцию мешать людям отождествлять себя с действительным общественным строем, данным им судьбой, и принуждает их судить о нем в свете некоего «естественного» (разумного) строя. Им представляется, что неограниченное многообразие суждений о праве и справедливости не может быть соответствующим образом упорядочено, если отсутствуют некие неизменные принципы. При этом даже конвенциональность как способ установления порядка не сможет ли стать достаточным и необходимым условием существования «естественного права». (Создатели «исторической школы» первыми почувствовали, что принятие на веру любых абстрактных или всеобщих принципов на практике непременно вызовет революционные тревожные и дезорганизующие последствия, независимо от того, одобряют эти принципы революционный или консервативный образ действия: как ни странно, но консервативно настроенный «историзм» оказывался более реалистичным в своих проектах построения посюстороннего мира, чем умозрительный радикализм XVIII века.)

В таком представлении «природа» обозначала не только сферу чисто физического бытия, которую следует отграничивать от чисто духовного. Выражение «природа» относилось не к бытию вещей, а к происхождению и обоснованию истин. К ней относились, независимо от содержания, все истины, которые способны к чисто имманентному обоснованию и не нуждаются в трансцендентном откровении, достоверные сами по себе.

Такие истины делают оба мира — физический и духовный — одним миром и космосом. XVIII век нерушимо держался за это представление, он не желал довольствоваться эмпирически познанными законами политического космоса, а хотел ограничить многообразие этих законов, сведя их к немногим определенным принципам. «Такой порядок и такого рода систематическая зависимость между отдельными нормами существует, — это и создает для него «дух законов»¹.

Общее высказывание и всеобщий, взаимозаменяемый познающий субъект — это две стороны одной медали: такое знание есть знание неких общих правил, которыми владеет познающий субъект. Очень скоро романтизм противопоставит этому предположению свою собственную парадигму: сама история организует исторические сущности; от историка больше не требуется открывать и выражать какое-то общее абстрактное знание, он сам должен организовывать его: единичное высказывание индивидуализирует общее².

Бэконовское отождествление знания и силы оказывалось действительным только в конкретных ситуациях. Общая формула оставалась декларацией. Однако революционный энтузиазм постарался придать ей реальность и жизненную силу. Прозрачность и свет — эти символы и метафоры революции — отражают универсальность в том, что все в мире может быть познано с помощью разума. Просвещение предлагало уничтожить всяческий монизм (вместе с догматизмом), заменив его господством множественности и релятивизма. Парадоксальным образом общие принципы и их повсеместное применение только открывали путь такому плюрализму, отказываясь от единства и централизации. Выпущенные на свободу стихийные силы сами должны действовать по собственным внутренним законам.

Вслед за Французской революцией образ могучего и неодолимого подводного потока, сначала возносящего людей на вершину славных дел, а затем низвергающего их в пучину преступления и бесчестья, стал преобладающим, как и сами метафоры, проникающие в образ революции. Этот поток уже после 1789 г. смог породить целый ряд других революций (1830, 1832, 1849, 1851, 1871 гг.),

¹ Кассмер Э. Философия Просвещения. М., 2004. С. 267–268.

² См.: Апперсмит Ф. История и тронология: взлет и падение метафоры. М., 2009. С. 142–144.

ставших следствием только одной, но, как оказалось, непрерывной (по выражению Прудона — «перманентной») революцией.

За период немногим более столетия (охвативший эпоху романтизма и символизма) идея революции эволюционировала от абстрактного и утопического радикализма «слева», устремленного в будущее, до романтической «консервативной революции» «справа», перечеркивающей все ценности и достижения своих предшественниц. Здесь конкретность выступила против абстракций, единство против множественности, идеализм против материализма — революционный дискурс возникал и формировался в диалектической борьбе противоположностей под воздействием как внешних обстоятельств, так и собственных внутренних противоречий. Но консервативное обращение к прошлому и социалистические грезы о будущем странным образом слились в «либеральном прагматизме», признающем только настоящее: под этим знаком будет проходить весь XIX век.

Когда-то «римское» консервативное ощущение политической непрерывности потребовало от людей подчинения их фрагментарных поступков и воли анонимной силе революции. Обращенный в прошлое взгляд (такой, как у романтиков и Гегеля) предполагал, что все, что принадлежало сфере политики — дела, слова, события — являлось также исторической необходимостью: свобода исчезла из этих сфер мысли, а ее место заняла необходимость (или судьба, как уточнял Наполеон), мировая политика закладывала тем самым основы единой мировой истории. Гегель же прозорливо усмотрел в событиях 1789 г. «примирение земли и неба»: в ходе революции неодолимое движение небесных сил как бы снизошло на землю и наложило на поступки людей свою печать необходимости и цикличности, выводя их за границы «печальной случайности» (Кант) и прискорбной смеси «насилия и бессмыслицы» (Гете)³. «Сила, власть и пространство» — вот та триада, которую XIX век вырабатывал, формируя свою парадигму для будущего. Революция, этот «локомотив истории», прокладывала дорогу этим принципам, эффективно применяя для этого насилие: сила, оттесняя идею, завоевывала историческое первенство во власти.

Категории «силы» и «власти» нельзя ни отождествлять, ни рассматривать раздельно. Закон самоутверждения власти, путем рас-

ширения смысла, ассоциируется со стремлением силы к действию: «Власти отдали то, что принадлежало силе, а потом прокляли силу», и сфера свободного действия живых сил была этим самым проклятием задвинута во тьму. Но у власти свои законы, она — не сила, но реальность со своей собственной структурой, поэтому она может существовать независимо от сил, ее породивших, и расти самостоятельно» (А. Боймлер).

В либеральной трактовке деятельность государства ограничивается производством права (причем его творят не личности, но само же право). (Характерно, что и в радикальном социализме правотворчество осуществляется столь же безличным «правосознанием пролетариата» или «социалистическим правосознанием».) При революционных изменениях конституции имеет место разрыв в праве и происходит нарушение его непрерывности, которые оправдываются этическими мотивами или исторической необходимостью.

Революционный принцип, присущий рассматриваемой нами «переходной» эпохе, по самой своей сущности не был ни структурой, ни порядком, ни построением: он оказался чистой силой, чистым порывом, чистым процессом. Новый политический принцип остался только «активным ничто», чисто «ударной силой в диалектике современности». Но в революции эмансипировалось государство, и тогда «в бессубъектное спускается напористый, требовательный, готовый к действию субъект». Многообразное стягивается в единство ударной силы. В безвольном внезапно возникает политическая воля. В революционном пробуждается жизнь. В аполитическом — история⁴.

Революция заново творила мир и жизнь. При этом она лицемерно скрывала любые проявления преемственности, свидетельствующие о ее связи со «старым порядком», который она же и уничтожала. Будучи по своему существу политической, эта революция провозглашала начало социальных преобразований (хотя по-настоящему социальный характер революция получит только в 1848 г.), примат политического позволял ей осуществлять наиболее радикальные преобразования. Только политическим актом мог быть создан новый субъект права — не поданный, а гражданин, — заменивший прежнего субъекта, политически артикулированно-

³ Арндт Х. О революции. М., 2012. С. 68.

⁴ См.: Филиппов А.Ф. Ханс Фрайер // Фрайер Х. Революция справа. М., 2009. С. 126.

го придирчивым абсолютистским режимом. Более того, сама природа обновлялась в процессе революции: «естественные права» возрождаются только с ее приходом, и природные добродетели человека раскрываются и расцветают только в этот момент. Революция в ее сакрализованной интерпретации представлялась «новым пришествием» мирового значения, она не была только национальным явлением, она была глобальным актом. (Ален Бенуа справедливо задается вопросом: каким же образом декларация, точно датированная и обусловленная конкретными историческими обстоятельствами, могла столь уверенно претендовать на вневременную универсальность?)

Декларация 1793 г. утверждала, что «права гражданина» предназначены для защиты и сохранения «прав человека». Революционное право попыталось тем самым примирить субъективное и объективное право, «естественное» и позитивное право. В эпоху революции именно «естественный» человек только и воспринимался в качестве гражданина; Руссо говорил: «нужно выбрать, кого мы хотим создать: человека или гражданина», нельзя одновременно быть и тем и другим. И примат отдавался гражданину.

Хана Арендт увидела в представлении человека как абстрактной личности, наделенной столь же абстрактными правами, слишком уязвимую цель, поскольку сопутствующее ему чрезмерное расширение равенства чревато риском уравниловки и диктатуры: абстрактное право неизбежно порождает вполне конкретное насилие.

Революционный «законоцентризм» приносил права отдельного индивида в жертву цельному суверенитету нации: «естественный» субъект, для того чтобы получить признание субъективных прав, сначала должен был стать объектом позитивного законодательства, чем предположительно обеспечивался его примат гражданина⁵.

Универсальные принципы, как довольно скоро выяснилось, были присущи всем революциям, хотя бы потому, что они оказывались наиболее доступными массовому пониманию. Их солидаризирующая значимость, однако, непременно нуждалась в материальной поддержке, которой и становилось насилие: провозглашаемые благо и свобода в хаотичном и аморфном революционном обществе могли быть установлены только при-

нудительно. «Общая воля» санкционировала насилие и устанавливала сами критерии «нормального» и «ненормального», оставаясь главным источником императивов и интерпретируемых руководящими группами директив и законов.

Общий принцип — вот та точка, которую искал законодатель, и пока он ее не достигал, он «вынужден был крутиться вокруг нее, описывать ее с помощью отдельных казуистических постановлений». Вот тогда и выступает на свет особая роль исключения. Оно часто становится формой, в которой правило расширяется и изменяется, и здесь «история как бы сама вовлекает нас в ошибку: в течение веков в ней фигурирует в виде правила и исключения как раз то, что на самом деле совместно подчиняется одному и тому же высшему принципу»⁶.

Универсализм революции, одновременно искавшей образец для подражания либо в историческом опыте, либо в области трансцендентного (что было особенно характерным для первых революций — английской и американской) и считавшей саму себя образцом для подражания, скрывал национальные особенности, обусловленные историей и традицией. Поэтому столь авторитарные притязания универсальной идеи на господство вполне могли привести к результатам, очевидно противоположным их содержанию и намерениям: «Западная цивилизация имела блестящий идеологический фасад, за которым во тьме сражались национальные волевые ориентации, не имевшие духовного руководства», и тогда «мировая демократия», сама превратившаяся в абсолютную власть, объявляла свою войну во имя «вечной справедливости и вечного мира». Действие идеалов универсализма оказалось политически разрушительным уже потому, что они скрывали закон жизни. Именно их «всеобщность» мешала видеть действительно естественные стремления конкретных сил. Универсальное политическое мышление жило в мире фикций, а отчуждение власти от конкретного мышления оказалось корнем многих политических зол: «проблема политики — ограничение власти, т.е. сведение естественной тенденции к сохранению в форме желания чего-то большего в мире бытия»⁷. (О сближении революции и «чего-то большего» мечта-

⁵ Бенуа А. Против либерализма. М., 2010. С. 401–402.

⁶ Иеринг Р. Юридическая техника. Избранные труды. СПб., 2006. Т. 2. С. 356.

⁷ Боймлер А. Сущность власти // Философия вождизма. М., 2006. С. 173–174.

ли и русские символисты Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов. Русская революция оказалась столь же абсолютной, как и отрицаемая ею абсолютистская государственность: «ее сознательным эмпирическим пределом стал социализм, бессознательный, мистический — т.е. безвластие» (Мережковский). Чем большими атеистами являлись враги самодержавия, тем больший религиозный фанатизм толкал их на осуществление героических актов. Революционеры чувствовали всю иррациональную силу самодержавия и ее религиозные основания, поэтому они и противопоставляли им силы того же порядка (Дм. Философов)⁸.

Революция станет мифом и роком всего XIX столетия. Ее будут воспринимать как неизбежность и механическую закономерность, отчего страх перед нею не становился меньше. Собственно страх и питал саму революцию, страх и зависть, которую революционеры умело интерпретировали как «классовую ненависть» и справедливую реакцию на страдание и нищету. Революция же должна была все изменить к лучшему.

Но революционный дискурс по самому своему довольно загадочному происхождению все еще был внутренне связан с «контристорическим» и статичным (антиримским) политическим дискурсом XVII века. В обоих было ощутимо обнаружение асимметрий, нарушение равновесия, присутствие несправедливости и насилия, которые существовали вопреки законному порядку, но в самой его глубине и с его же помощью. Этот дискурс вскрывал непрекращающуюся войну, которую в обществе вели враждебные друг другу «расы» (богатые и бедные, властители и подвластные и пр.) и которую упрямый и молчаливый порядок власти, безусловно, пытался остановить.

Уже в конце Средневековья, в XVII–XVIII вв. общество, историческое сознание которого тогда еще не выходило за рамки классического «римского образца» и было целиком сосредоточено на внешних ритуалах и мифах верховной власти, уступает место новому обществу, историческое сознание которого уже было ориентировано на грядущую революцию: теперь понятие борьбы «рас» заменяется понятием «классовой борьбы». Тема бинарного, расколотого общества вытесняется темой биологически единого общества, тема чистоты «расы» (биологи-

ческая по сути) заменяет тему борьбы «рас»: подобное преобразование осуществлялось «путем перехода закона к норме, переходом от юридического к биологическому»⁹. И уже в XIX веке государство использует новый дискурс для защиты от тех же революционных тенденций, подчеркнув при этом идею единства и тотальности в качестве фундаментальной: элементы, угрожающие декларируемому государственному единству, стали рассматриваться как «отклоняющиеся от нормы». При этом право устанавливать, что законно и нормально, а что нет, отнюдь не проистекало из каких-либо юридических оснований, поскольку оно не являлось статусом, а выражало свободу действия, по сути своей политического — «решение», как акт политической природы, возвышається над «нормой», этим вторичным порождением формирующейся юридической среды. «Решение» не предлагается, оно навязывается и предписывается, но уже в виде нормы. Революционеры, отдавая предпочтение разуму над природой, в этой последней видели только среду, в которой рождается спонтанная и невинно чистая жизнь, которую необходимо (а необходимость здесь окрашивалась в субъективные тона) направить в нужное целеположенное русло.

«Добрый дикарь» Руссо оказывался в этой ситуации только материалом, первичной материей, которой предстояло трансформироваться в «алхимическом процессе» политического. Естественно, что разум здесь воспринимался как преобразующая воля. Правда, уже и сам Руссо выражал серьезное сомнение в реальном факте существования «естественного состояния»: «естественный человек, может быть, никогда и не существовал, но он необходим нам для правильного понимания». Фикция стала необходимой для того, чтобы представить, в чем заключались человеческие условия, имевшие место до всякой формы подчинения, т.е. до любых общественных отношений. (Попытки утилитаристов подменить «права человека» понятиями «интереса», и кантианцев — «моральным законом» — не могли объяснить, каким образом эти факторы и обстоятельства могли родиться из «естественного состояния». Зато Гегель отметил явную неспособность кантовского универсализма, как социальной этики, задать общую норму для конкретного действия. Моральная автономия оборачивалась

⁸ Царь и революция. М., 1999. С. 61, 97.

⁹ Фуко М. Нужно защищать общество. СПб., 2005. С. 94–97.

пустотой, что оказалось весьма характерным для либеральной этики вообще и ее поиска некоего аксиологически нейтрального формального принципа, претендующего на создание всеобщего критерия¹⁰.)

Было понятно, что революция пришла из прошлого, с которым она так стремилась покончить. Силы, подрывающие «старый порядок», многое заимствовали из него. Насущные проблемы текущей политики нуждались не в абстрактных принципах и отвлеченном морализаторстве, а в конкретном практическом разрешении. Это пытались сделать при посредничестве множества норм, в изобилии издававшихся, но и такая практика наталкивалась на сопротивление инертной и непрощенной социальной материи. Силам разума оказывали упорное сопротивление некие «темные» силы. Для их преодоления было необходимо насилие. «Центр тяжести перемещается с априоризма на эмпиризм, со стороны разума — в сторону чистого опыта. Человеком правит не абстрактная заповедь разума; ...истинный и прочный союз, объединяющий людей, заключается в однородности их склонностей, их инстинктов, их чувственных потребностей». Долженствование не в силах аннулировать или изменить элементарное бытие: мораль в качестве признанного врага природы осуждена на бессилие. Пусть властвует сама природа, подчиняется самой себе без конвенциональных ограничений (Дидро)¹¹. Сама революция стала представляться чем-то стихийным, угрожающим и непредсказуемым.

Жозеф де Местр первым объявил Революцию со всеми ее «эксцессами» сатанинской. Но уже вскоре другими свидетелями она, напротив, была обожествлена, а революционный пафос еще долго питал это возбужденное политическое сознание. Но действительно, что осталось бы от революции, если бы у нее не отняли ее героическую эпопею и блеск наиболее популярных событий? Лишь что-то непривлекательное — мрачные «полицейские распоряжения, проскрипции, да заседания рабски покорных судилищ», то насилие и террор, которые она в изобилии несет в себе. Вслед за хаосом и эйфорией следовали репрессии и бюрократизация: здесь рождалось насилие нового типа, сфера полицейского произвола оказывалась не менее, но еще

более широкой, чем та, что существовала при свергнутой монархии.

В основе новых общественных ритуалов выделялся целый ряд «молчаливых запретов и неясных причин, призванных регулировать скрытую энергию насилия... Тайна насилия совмещается с тайной истории», подобно которой и оно, насилие, также безмянно, слепо и абсурдно, а значит — непредсказуемо. «Во вселенной нет ничего кроме насилия» (Ж. де Местр).

Просвещенный абсолютизм поэтизировал «принцип полиции» (примерно так же как сам Ж. де Местр поэтизировал роль палача в обществе); «полиция» обозначала определенно благотворное насилие и разумное регламентирование: она оказывалась на острие общей политики «государственного интереса», рожденного абсолютной монархией и затем переданной революционному государству, поэтому полицейское право могло не совпадать с правом общества. «Право полиции» очеркивало только то пространство, в котором государство не могло просто посредством права гарантировать свои собственные конкретные эмпирические цели, которые оно желало достичь любой ценой. Полиция из «соображений безопасности» действовала преимущественно в случаях, когда «правовая ситуация» характеризовалась отсутствием достаточной ясности: «В противоположность праву, которое своим решением, привязанным к месту и времени, признает некую метафизическую категорию ... рассмотрение института полиции не открывает ничего существенного. Насилие со стороны этого института является аморфным». Если в монархии «полиция» представляла насилие государя, соединяющего законодательную и исполнительную власть, то в демократиях ее существование свидетельствовало уже о вырождении самого насилия, и ее дух оказывался более разрушительным¹².

Идеологии и разные условия легитимации могут служить более четкой артикуляции воли, однако только выбор формы действия устанавливает действительную связь между исполнением власти и ее мотивами. При этом власть как бы надстраивается над структурами, контролирующими исключение из общего порядка, открывая возможность праву действовать в «нормальных» условиях. «Жесткие установления, регулирующие применение власти, ослабляют ее позиции ...приводят к отказу от неопределенности и открытости». Поэтому

¹⁰ Бенуа А. Против либерализма. М., 2010. С. 364–365.

¹¹ Кассирер Э. Философия Просвещения. М., 2004. С. 272.

¹² Беньямин В. Учение о подобии. М., 2010. С. 78.

вместо прямо сформулированной угрозы применить насилие часто обращаются к правовым процедурам, маскирующим это насилие¹³.

Революция, учреждая свои трибуналы и чрезвычайные органы для борьбы с врагом, принимая многочисленные декреты и распоряжения (что само по себе никак не свидетельствовало об укреплении законности), вполне допускала мысль о сохранении этих репрессивных институтов на более или менее продолжительный период времени. Чрезвычайное насилие в перспективе предполагало стабилизироваться и сделаться статуарным. Политика кристаллизовывалась в институты.

Способность реализовывать «настоящий суверенитет» выражается в способности введения чрезвычайного положения (К. Шмитт): Сама революция явилась чрезвычайной ситуацией, когда действие законов приостанавливается либо вовсе отменяется, а в содержании новых законов отражается существование уже совершенно нового порядка. Его можно определить как переходный, хотя сроки такого перехода так и останутся неопределенными. Зато переходности и чрезвычайности оправдывают возможность безграничного применения насилия, быстро меняющего свои формы.

Объем и направленность такого насилия регламентировалось в революционном обществе целым рядом нормативных актов («о терроре», «о подозрительных», о «заложниках» и т.п.). Класс юристов (а их в Национальном собрании было множество) привнес в Революцию массу собственных профессиональных предассудков и, порожденный этим догматическим и законническим духом, «новый старый режим» стал представляться обществу в доходчивых и лапидарных формулах, но истинной целью правосудия оказывалось вовсе не само право, а все тот же «государственный интерес»: злая воля или неспособность к его соблюдению теперь рассматривались как покушение на авторитет или измена власти. И Революция заботливо усвоила этот по существу дореволюционный взгляд, придав даже воображаемым преступлениям юридическую важность, тем большую, что сам «политический суд действовал в окружении людей, обезумевших от страха»¹⁴.

Революция сделала страх действительной «эманацией низов души и культуры массы»: для А. Токвиля страх стал «тревогой», т.е. постоянным и устойчивым беспокойством и

нервозностью целого народа, порожденными прежде всего падением традиционного авторитета власти и изоляцией общества. «Тревога не была продуктом законов, институтов, элит или образования: она расцвела в их отсутствие... Демократия — безличная, бесформенная власть масс — стала центром внимания, и тревога была ее естественным психическим состоянием». И чтобы преодолеть или заглушить это беспокойство, масса стремилась найти и обратиться к строгому поборнику дисциплины, который мог бы принести обществу утерянное единство и порядок. Токвиль был уверен, что именно «тревога низов давала право на репрессивные акты верхам»¹⁵. (По замечанию М.Я. Острогорского, высшей силой демократии является «социальное запугивание»). Эта сила заключается в том, чтобы «принуждать всех к выполнению своих обязанностей силой закона и силой общественного мнения», что составляет основу управления. «Проявлять власть — это нечто иное, как только запугивать, применять моральное принуждение для того, чтобы заставить себе повиноваться. Деспот применяет ее так же хорошо, как и республиканский министр». Сила запугивания, управляющая политическим обществом, становится полной только тогда, когда она господствует над всеми его членами, включая управляющих и управляемых: «она действует силой самой идеи силы», не являясь чисто материальной¹⁶. Политические свободы в этой связи являются не более чем орудием власти, социального запугивания, «защитной членов государства против злоупотреблений силой».)

Ж. Сорель различал «силу», принадлежавшую механически концентрированной власти государства, и «насилие», представляющее собой только некий «воинственный» акт, но не юридически и административно оформленную меру. Политический рационализм сделал диктатуру военно-бюрократической полицейской машиной, а революционное использование силы стало выражением непосредственной жизни, — «часто дикое и варварское, но никогда не являющееся систематически жестоким и бесчеловечным»¹⁷. И все же «над всеми правовыми катастрофами возвышается

¹³ Луман Н. Власть. С. 44–45.

¹⁴ Сорель Ж. Размышления о насилии. С. 81–82.

¹⁵ См.: Робин К. Страх. История политической идеи. М., 2007. С. 41–42.

¹⁶ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997. С. 550–551.

¹⁷ См.: Шмитт К. Духовно-историческое положение парламентаризма // Политическая теология. С. 247.

принцип: каждый раз к правотворчеству призывается тот, кто способен право осуществлять». Правотворчество и правоприменение как бы вновь соединяются. Но над всеми изменениями нерушимо царит, по сути, метафизическая «основная норма». И именно благодаря ей новое революционное правительство смогло выступить правопреемником старого легитимного правительства: и только таким образом революционные изменения государственного строя не затрагивают и избегают разрушения самого института государства.

Однако право может возникать не только из права. Побег нового права произрастают как бы из «дикого корня»: здесь имеет место некий изначальный и фатальный акт творения нового права, самозарождения права из действительности, «становление права посредством прерывания права», образования новой правовой почвы на «остывшей революционной лаве»¹⁸. Импульсивные действия власти и масс и эгоистические цели при этом складываются в некую «уловку разума» (Гегель) и бессознательно становятся инструментом всеобщей идеи цели. Сама революция выступила в роли медиатора, когда превратила насилие в норму. Уничтожая прежнюю нормативную систему, она создавала промежуточный период, в котором вовсе отсутствовала нормативность, но зато накапливалось насилие. Именно это последнее и питало затем всю вновь создаваемую череду норм, выстраиваемых на руинах, норм волюнтарных и жестоких: рождалась диктатура закона, появляющегося как бы из небытия, хаоса и пустоты. Закон в этом смысле аналогичен чистой арифметике: то, чему «учит нас последняя о природе чисел и их отношениях, включает в себя вечную и необходимую истину, — истину, которая осталась бы той же самой даже в том случае, если бы весь эмпирический мир погиб»¹⁹.

Такое качество нормы, как ее императивность, давало надежды на эффективность ее применения. Санкция «общей воли» к тому же гарантировала исполнение, а многообразие и конкретность техник нормирования должны были решить все актуальные проблемы. Революционное законодательство было устремлено вперед, и свойственный ему футуризм, жертвуя деталями, был обращен к глобальным проблемам — установлению равенства, расширению свободы и уничтожению бедности.

Кодификации были противопоказаны революционному праву: закон — это «воля народа», которая сама по себе безгранична и не может быть заключена в жесткие рамки. Само государство — это народ, а его законы и воля — это законы и воля нации (в революциях XVIII века «нация» и «народ» еще не были разделены): все политические преобразования представлялись тождественными социальным изменениям, а одно-единственное сословие (или класс) стало позиционировать себя всей нацией и говорить от ее имени. (Хана Арендт заметила, что «объективная и безликая необходимость и насилие» стали отличительными чертами революций XIX–XX веков, а гражданские свободы получили, как ни странно, большее распространение как раз там, где революции потерпели поражение, а не там, где они победили. Ведь революция — это всегда следствие, но не причина краха политического режима, — именно в революциях распадалась традиционная римская триада: «религия, традиция, власть».)

Ж. Сорель будет проводить достаточно четкое различие между силой и насилием, т.е. между исполнением власти ее правомерным носителем и ее применением против такого носителя. «Схематизация правомерной и неправомерной власти требует нормативной формы, поскольку в обоих случаях речь идет о приписываемом действию. Но эта форма воспринимает реальность неуверенно и неточно». Неправомерная власть тоже является властью», но представляет реальную власть, «антиципируемую ее правомерным носителем», а не просто возможность, которую могут с опаской ожидать²⁰.

(Право, т.е. «определение ситуации в качестве правовой или неправовой», позволяет заменить бинарный схематизм правомерной — неправомерной власти на другую схему: формальный — неформальный, переводя мышление в специфическую сферу правопознания.)

У террора, по своему существу являющегося специфическим выражением идей справедливости и мести, оказалась другая генеалогия, чем та, которая оказалась свойственна самой революции, была своя логика. Революция многолика и в то же время однообразна, поэтому она и стремится к созданию устойчивых образцов (архетипов, символов), которым придается глобальное и вечное значение, и одновременно с этим она приспосабливается к конкретным историческим условиям, вводя ею созданные уникальные критерии «нормаль-

¹⁸ Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 107.

¹⁹ Кассирер Э. Философия Просвещения. С. 262.

²⁰ Луман Н. Власть. С. 73–74.

ности», т.е. нормы: общим, однако, в обоих случаях является разве что применение насилия. (И последовательный ницшеанец верил, что в мире царит случайность (а Макиавелли был убежден в том же) и что политическое действие может в любой момент преобразовать мир, — так, в «Воле к власти» звучал призыв к осуществлению устремлений и действий любой ценой: «Сначала дело, потом мысль».) Но революции со временем все же приводят к созданию более или менее устойчивых учреждений и институтов, в которых политическое бытие, застывшее как бы на мгновение, стремится замкнуться в самом себе. Динамика тогда неожиданно уступает место необходимости, которая всегда обязывает.

Институции (как и кодификация) связывают свободу выбора, хотя как раз предназначены для закрепления и «стабилизации» избирательных актов. Институты создаются для действия, но они же и ограничивают его регламентами. И все же важнейшим достижением институций является формирование и структурирование пространства, в котором осуществляется политика, — публичного пространства.

В эпоху Просвещения понятие и слово «свобода» приобрели новый публично-правовой смысл. Область свободы — уже не просто не зажатая властью и законом сфера существования и действия, но пространство, оформленное и закрепленное нормативно, «свобода как осознанная необходимость». В XVIII веке уже полагали, что только «конституция» (как организация власти и норма) будет способна очертить действительные границы новой, политической и правовой сферы и оформить новое политическое пространство, тогда как ранее, в условиях свергнутой тирании, граждане изгонялись из этого пу-

бличного пространства в свое, частное: конституционное правительство обязывалось охранять республику, учрежденную как раз для сохранения именно такой публичной свободы на публичном пространстве.

В политическом сознании именно публичность становилась областью существования свободы, частная же жизнь — сферой ее изгнания. Гражданин Революции — это публичный человек, он элемент безграничной всеобщности социума (поэтому спад революционного энтузиазма (который всегда неизбежен), должен был необходимо совпасть с трансформацией гражданина революции в частного индивида XIX века, в гражданина-буржуа, вместе с которым рождалась и новая цивилизация). «Историю делают, чтобы установить конституцию», но конституцию, понимаемую не как четкую совокупность законов, а как некую конструируемую реальность, которая не принадлежит ни к формализованной области закона, ни к фактическому уровню силы, не является ни простым документом («клочком бумаги», как саркастически заметил Ж. де Местр), ни наличествующим структурным равновесием: «это может быть конституция в том смысле, как ее могли бы понять медики, т.е. соотношение сил, равновесия и игра пропорций, некая стабильная асимметрия» (М. Фуко). Такая конституция ориентируется на реальное соотношение сил и рассчитана на его восстановление. И речь здесь идет об утверждении конституции, приемлемой «не по причине восстановления старых законов, а по причине революции в силах» — «революции в том смысле, в каком обычно говорится о переходе от ночи к дню, о подъеме с низшей точки на самую верхнюю».

Литература

1. Апперсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2009. С. 142–144.
2. Арндт Х. О революции. М., 2012. С. 68.
3. Бенуа А. Против либерализма. М., 2010. С. 364–365, 401–402.
4. Беньямин В. Учение о подобии. М., 2010. С. 78.
5. Боймлер А. Сущность власти // Философия вождизма. М., 2006. С. 173–174.
6. Иеринг Р. Юридическая техника. Избранные труды. СПб., 2006. Т. 2. С. 356.
7. Кассирер Э. Философия Просвещения. М., 2004. С. 272.
8. Луман Н. Власть. С. 44–45.
9. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997. С. 550–551.
10. Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 107.
11. Робин К. Страх. История политической идеи. М., 2007. С. 41–42.
12. Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 2013. С. 81–82.
13. Филиппов А.Ф. Ханс Фрайер // Фрайер Х. Революция справа. М., 2009. С. 126.
14. Фуко М. Нужно защищать общество. СПб., 2005. С. 94–97.
15. Царь и революция. М., 1999. С. 61, 97.
16. Шмитт К. Духовно-историческое положение парламентаризма // Политическая теология. С. 247.

Правовое положение Министерства финансов Российской империи в контрольно-ревизионной деятельности в период правления Николая I

*Сова Николай Игоревич,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Белгородского государственного университета
sova_ni75@mail.ru*

В статье рассматриваются преобразования компетенции отдельных звеньев государственного аппарата в области управления финансами, и прежде всего в сфере налогообложения, и формирования бюджета, а также контрольно-ревизионной деятельности, анализируются полномочия, которыми было наделено Министерство финансов Российской империи во второй четверти XIX в. В ходе изучения данных вопросов устанавливаются обстоятельства, оказавшие влияние на реформирование отдельных структур. Автором на основе исследования позиций дореволюционных правоведов и современников установлены проблемы, с которыми приходилось сталкиваться правоприменителю при реализации тех или иных нормативно-правовых актов. Особое внимание уделено вопросам формирования бюджета. В работе проанализирован смысл введения двух параллельных и независимых друг от друга систем формирования главного финансового документа государства.

Ключевые слова: Министерство финансов, контрольно-ревизионная деятельность, бюджет, налоговая политика.

Legal Status of the Ministry of Finance of the Russian Empire when Conducting Control and Audit Activities in the Reign of Nicholas I

*Sova Nikolay I.,
Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law
of the Belgorod State University*

The article examines the transformation of competence of individual elements of the state apparatus in the field of financial management especially in the field of taxation, and budgeting, and audit activities, analyzed the powers which were vested in the Ministry of Finance of the Russian Empire in the second quarter of the XIX century. In the course of studying these issues are the circumstances, which influence on the reform of certain structures. By the author on the basis of research of positions of the pre-revolutionary legal scholars and contemporaries established the challenges faced enforcers in the implementation of those or other legal acts. Special attention is paid to questions of formation of the budget. This paper analyzes the meaning of the introduction of two parallel and independent from each other systems of the formation of the main financial document of the state.

Key words: the Ministry of Finance, audit activities, budget, tax policy.

В период царствования Николая I должность министра финансов последовательно занимали Е.Ф. Канкрин (с 1823 по 1844 г.), Ф.П. Вронченко (с 1844 по 1852 г.). Оба министра были достаточно харизматичны и авторитетны, что, безусловно, проецировалось и на возглавляемое ими ведомство. Достаточно сказать, что Е.Ф. Канкрин среди своих коллег дольше всех руководил Министерством финансов.

В связи с этим неудивительно, что Министерство финансов постепенно стали оценивать как важнейший орган, способный влиять не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику¹. Применительно к вопросам вну-

тренней политики центральное место в деятельности министерства, безусловно, занимало распределение финансов, а также ревизионная деятельность по отношению к подконтрольным органам.

Нормативно-правовое регулирование деятельности Министерства финансов на рассматриваемом этапе производилось на основе Учреждения Министерства финансов, принятого 25.07.1811. На основе указанного нормативного акта данный государственный орган наделялся правом распределения источников государственных доходов, пошлин, податей и сборов, управления делами гор-

связи с изложением сметной системы кассового порядка и устройства государственной отчетности. Ч. 1. СПб, 1898. С. 78.

¹ Сакович В.А. Государственный контроль в России, его история и современное устройство в

ными, соляными и государственным имуществом в целом.

В связи с ликвидацией Министерства коммерции полномочия Министерства финансов были расширены путем закрепления права на осуществление внешней торговли и управления таможенным делом.

В Учреждении Министерства финансов от 25.07.1811 ведомство наделялось прежде всего надзорными полномочиями, иная правораспорядительная деятельность считалась вторичной. Нормативный документ гласил: «Существо власти, вверяемой Министерству финансов, состоит в том, чтобы действием его и главным надзором охранить и усилить источники государственных доходов и доставить законам и учреждениям, по сей части издаваемым, точное и верное исполнение».

В целях исполнения предоставленных полномочий исполнительный орган имел право на управление государственными доходами, которое осуществлялось в т.ч. посредством утверждения финансовой сметы на соответствующий календарный год. Также смета составлялась и целях контроля государственных расходов. По результатам исполнения государственной расходной сметы составлялся специальный отчет.

Контрольно-надзорные полномочия Министерства финансов были расширены в результате образования Департамента Государственного казначейства, к полномочиям которого были отнесены, помимо прочего, вопросы ведения счетоводства, бухгалтерской отчетности и контрольной деятельности. В научной литературе существует мнение о том, что подобные изменения в органах исполнительной власти связаны с позицией Д.А. Гурьева, выполнявшего в период проведения соответствующих изменений обязанности министра финансов².

Д.А. Гурьев придерживался мнения о том, что казначейская деятельность выступала необходимой составляющей процесса управления финансами. По его убеждению, Учреждение Министерства финансов от 25.07.1811 неоправданно выделило казначейство из исторически сложившегося административного управленческого механизма³. Тем самым Д.А. Гурьев настаивал на возвращении к практике совмещения функций государ-

ственного казначея и министра финансов в одном лице.

В ходе управленческой деятельности Николая I устройство органов контрольно-финансового блока не претерпело значительных корректив. По утверждению Е.В. Коломина, существенные изменения системы учреждений в указанной сфере происходили преимущественно в первой четверти XIX в., что обосновано апробацией нового механизма государственно-властных отношений — министерской системы.

В свою очередь к следующему этапу была сформирована достаточно дееспособная система финансового хозяйствования, позволявшая решать возложенные на нее задачи. Вместе с тем данное обстоятельство само по себе не могло сохранить систему органов государственной власти, поскольку неизбежное наличие определенных недостатков вынуждало предпринимать попытки по реформированию имевшихся властных институтов⁴.

В свое время Е.Ф. Канкрин подчеркивал, что при отсутствии очевидных недостатков в работе той или иной системы нет совершенно никакой необходимости в проведении ее коренных преобразований «ибо формы управления сами по себе мертвы, а успехи главнейшие зависят от лиц и направления»⁵. Это утверждение подкреплялось также выводом о том, что любая реформа влечет необходимость использования новых форм и методов управления, что сопряжено с наличием сложностей, пробелов в праве, коллизиями и влекло «непредвиденные недостатки», которые требуется устранять уже в ходе реализации властных полномочий.

В середине XIX в. к ведению Министерства финансов были отнесены следующие вопросы:

— осуществление управленческой деятельности в отношении источников государственных доходов (кроме управленческой деятельности в отношении государственного имущества);

— контроль за движением денежных средств;

— принятие решений в отношении необходимости привлечения средств в виде государственных займов, а равно выполнение

² Владимирова О.В. Государственный финансовый контроль России в XVII–XIX вв.: историко-правовое исследование : дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2003. С. 158.

³ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 111–112.

⁴ Коломин Е.В. 190 лет Министерству финансов России: значение исторического опыта // Министерству финансов 190 лет. С. 6.

⁵ Министерство финансов 1802–1902 / Под общ. ред. Н. К. Бржеского. Ч. 1. СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. С. 205.

мероприятий по надлежащему исполнению обязательств по ранее принятым кредитным обязательствам;

— управление экономическими процессами через координацию вопросов торговли и промышленности;

— выполнение мероприятий в рамках бюджетного процесса⁶.

При этом полномочия по финансовому контролю нормативно не выделялись, что совершенно не означало невозможности выполнения со стороны Министерства финансов надзорной деятельности по вопросам соблюдения финансовой дисциплины. Это, во-первых, связано с высоким уровнем абстрактности правовых норм, закреплявших полномочия соответствующей структуры, а во-вторых, с недостатками законодательной техники.

В рассматриваемый период Министерство финансов имело полномочия по составлению росписи доходов. Данная роспись первоначально формировалась на низовом уровне, т.е. на уровне департаментов, руководители которых были обязаны до сентября месяца текущего года предоставить свой проект доходов по каждому направлению осуществляемой властной деятельности. Подсчет доходов осуществлялся по отношению не только к самому департаменту, но и подчиненным ему структурам.

На основании доходной части бюджета Министерство финансов осуществляло планирование государственных расходов. И в этом отношении процесс формирования государственной росписи расходов несколько отличался от порядка, принятого для доходной части финансового документа.

Процесс планирования шел одновременно в двух направлениях, имевших по отношению друг к другу самостоятельный характер. Министерством финансов составлялась так называемая «общая образцовая смета расходов». Основой для ее формирования были государственные бюджеты за прошедшие относительно недавние периоды времени, а также сведения о запланированных государственных доходах.

Таким образом, появлялись примерные расходы каждой отдельно взятой отрасли управленческой деятельности. Кроме того, на данном этапе устанавливались приоритетные расходы, сокращение которых не представля-

лось возможным либо допускалось в незначительном объеме. Примером таких расходов зачастую являлись нужды армии в период проведения военных действий.

Параллельно сметы государственных расходов составляли министерства и главные управления, после чего документы направлялись в Министерство финансов. В последующем переданные в финансовое ведомство сметы сравнивались между собой, а также с примерной сметой, сформированной профильным министерством.

Целью подобных процедур являлось установление завышенных требований в отношении предоставления финансов, фактов ошибочного совмещения текущих и чрезвычайных расходов, общегосударственных с губернскими или окружными, «полезных» с «необходимыми», «избыточных» с «полезными» и т.п.

Реализацию указанных полномочий было принято относить к сфере предварительного финансового контроля, введенного в результате преобразований, имевших место в период правления Николая I.

В ходе своей деятельности Министерству финансов достаточно часто приходилось сталкиваться с фактами неполного отражения всех расходных статей отдельными государственными структурами, отсутствия достаточной мотивации необходимости несения тех или иных затрат, а также данных, позволяющих проверить обоснованность заявленных расходов. С другой стороны, четких правил обоснования расходных статей бюджета в Российской империи не существовало⁷.

По итогам ревизирования смет учреждений и ведомств формировалась итоговая годовая смета расходов. Одним из требований к составлению данного документа являлась сопоставимость государственных расходов с государственными доходами. Поскольку подобного баланса достичь было достаточно сложно, министр финансов наделялся правом сокращать расходы, не отнесенные к числу приоритетных, либо изыскивать источники дополнительных доходов.

Очевидным источником увеличения доходов традиционно являлось повышение ставок действующих налогов или порядка их исчисления либо введение новых видов налогов, поэтому устанавливалось, что осуществ-

⁶ Учреждение Министерства финансов // Собрание законов Российской империи. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1857. Ст. 384–385.

⁷ Министерство финансов 1802–1902 / под общ. ред. Н.К. Бржеского. Ч. 1. СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. С. 178.

вление поиска источника дополнительных доходов не должно было сокращать благосостояние общества. Сложившийся уровень налогообложения на данном этапе власти признавали наиболее оптимальным, поэтому в случае необходимости получения дополнительных средств, как правило, обращались к государственному займу.

Одной из важнейших задач налогообложения признавалось максимальное снижение издержек при взимании соответствующих сборов. При этом налоги должны были взиматься в зависимости от классовой принадлежности⁸.

Общая финансовая смета, отредактированная в Министерстве финансов, с изложением заключений и разъяснений, содержащая необходимые приложения, передавалась для предварительного рассмотрения императору.

В дальнейшем роспись доходов и расходов обсуждалась на уровне Государственного Совета и вновь передавалась императору для окончательного утверждения. Утверждение бюджета влекло направление финансового документа в адрес Министерства финансов и последующую передачу для исполнения в департамент государственного казначейства.

По существу Государственный Совет не оказывал существенного влияния на формирование бюджета, и его участие в данном процессе было сугубо формальным. Этому факту находится достаточно очевидное объяснение, заключающееся в самой процедуре принятия финансового документа, а именно Государственный Совет ревизировал бюджетную роспись уже после того как она была предварительно согласована и одобрена императором.

В такой ситуации бюджет фактически был санкционирован на предмет возможности его последующего исполнения. Вполне естественно, что правки бюджета со стороны Государственного Совета могли носить исключительно технический характер, ведь император заключал в себе все существо власти⁹.

Практика предварительного согласования росписи государственных доходов и расходов была сформирована именно в период правления Николая I министром финансов

Е.Ф. Канкриным¹⁰, который таким образом стремился заручиться поддержкой главы государства для целей сохранения основных позиций бюджета. Учитывая харизматичность Е.Ф. Канкрин и его незыблемый авторитет, такая практика получила одобрение со стороны императора.

С учетом изложенного Министерство финансов Российской империи вплоть до начала 60-х гг. XIX в. с практической точки зрения признается современными исследователями важнейшим органом в области финансового контроля за составлением и рассмотрением бюджета¹¹.

В случае наличия информации об отступлении от исполнения бюджета министр финансов был обязан осуществить все меры, которые будут им признаны необходимыми в рамках имеющихся полномочий, для исполнения государственной росписи в соответствии с утвержденными нормативами и сроками предоставления денежных средств. Нормативно перечень возможных действий министра финансов в приведенной выше ситуации определен не был. Одним из них из числа использованных на практике являлось прекращение финансирования излишних расходов и установление более жесткого контроля за своевременностью выделяемого в последующем финансирования.

Согласование чрезвычайных расходов производилось министром финансов с Государственным Советом, который выносил окончательное решение относительно возможности утверждения соответствующих затрат. Кроме того, в Государственный Совет Министерством финансов вносился генеральный отчет о доходах и расходах сумм по Государственному казначейству.

Тем самым на Министерство финансов возлагались полномочия по текущему контролю за надлежащим исполнением государственной росписи, оно выступало в качестве профильного ведомства, формирующего первичный материал, утверждаемый иными властными институтами.

В ходе происходивших преобразований в области государственного управления в ведение Министерства финансов было передано Государственное казначейство, существовав-

⁸ Учреждение Министерства финансов // Собрание законов Российской империи. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1857. Ст. 840–845.

⁹ Ивановский В.В. Русское государственное право. Т. 1. Казань, 1895. С. 85.

¹⁰ Блюх И.С. Финансы России. История — статистика. Т. 1. С. 159.

¹¹ Владимирова О.В. Государственный финансовый контроль России в XVII–XIX вв.: историко-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2003. С. 162.

шее в этот период в качестве департамента. Тем самым в подчинение министерства перешли и казначейства, созданные на окружном и губернском уровне, казенные палаты, ведавшие государственным приходом и расходом.

В целом наличие фактов существенного расширения полномочий Министерства финансов, произошедшего в период правления Николая I, при недостаточной урегулированности процессуальной деятельности в области контрольно-ревизионной деятельности в совокупности с отдельными просчетами в ад-

министративной работе приводило к ненадлежащему качеству работы системы органов финансового контроля.

Несмотря на попытки новаторства в рассматриваемой области, соответствующие меры привели к достижению планируемых результатов лишь на первоначальном этапе. Предпринятые шаги по реформированию государственного аппарата не были продолжены, что способствовало появлению новых идей относительно совершенствования контрольно-ревизионной деятельности финансовой сферы.

Литература

1. Блюх И.С. Финансы России. История — статистика. Т. 1. СПб., 1882. 344 с.
2. Владимирова О.В. Государственный финансовый контроль России в XVII–XIX вв.: историко-правовое исследование : дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2003. 228 с.
3. Ивановский В.В. Русское государственное право. Т. 1. Казань, 1895. 622 с.
4. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. Одесса, 1913. 1000 с.
5. Коломин Е.В. 190 лет Министерству финансов России: значение исторического опыта // Министерству финансов 190 лет. С. 4–15.
6. Министерство финансов 1802–1902 / под общ. ред. Н.К. Бржеского. Ч. 1. СПб., 1902. 687 с.
7. Покровский С.П. Министерская власть в России (историко-юридическое исследование). Ярославль, 1906. 643 с.
8. РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 111–112.
9. Сакович В.А. Государственный контроль в России, его история и современное устройство в связи с изложением сметной системы кассового порядка и устройства государственной отчетности. Ч. 1. СПб., 1898. 370 с.
10. Ялбулганов А.А. Организационно-правовые основы финансового контроля в Российской Армии (XIX — нач. XX в.) : дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1999. 523 с.

История становления конституционного статуса земель и иных природных ресурсов в Советской и современной России*

*Харьков Владимир Николаевич,
доцент кафедры гражданского и земельного права
Тульского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
vnharkov@rambler.ru*

В статье в историческом аспекте рассмотрены вопросы формирования правового режима земель и иных природных ресурсов как общенародного достояния, подчеркнута актуальность позитивного правового наследия советского периода для развития современного природоресурсного законодательства.

Ключевые слова: природные ресурсы — общенародное достояние; обеспечение рационального и эффективного использования и охраны земель и других природных ресурсов.

Background of Formation of Constitutional Status of Lands and other Natural Resources in the Soviet and Modern Russia

*Kharkov Vladimir N.,
Assistant Professor of the Department of Civil and Land Law
of the Tula State University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article discuss the historical issues of formation of the legal regime of lands and other natural resources as the public ownership, highlights the significance of a positive legal heritage of the Soviet period for the development of modern legislation on natural resources.

Key words: natural resources - public ownership; ensuring rational and efficient use and protection of lands and other natural resources.

На протяжении всей истории страны порядок землепользования являлся одним из самых значимых вопросов политической борьбы и выбора экономического пути развития России. Общеизвестно, что именно земельный вопрос стал своего рода катализатором русских революций начала XX века.

Октябрьская социалистическая революция 1917 года, свершенная под знаменем справедливого аграрного устройства, коренным образом изменила всю сферу земельных и иных природоресурсных отношений. Одним из первых законодательных актов новой власти стал принятый II Всероссийским съездом Советов 27.10.1917 «Декрет о земле»¹, основанный на крестьянском наказе о земле.

Указанный правовой документ следует рассматривать не только с точки зрения формально закрепленных деклараций о переходе к новым аграрным отношениям, но и как один

из первых базовых природоресурсных актов, определивших конституционные основы земельной и природоохранной политики советского государства. Согласно Декрету о земле, отмена частной собственности на землю стала основой формирования новой правовой категории «всенародного достояния», получившей широкое распространение и юридическое закрепление в советском праве.

Так, названным Декретом право частной собственности на землю отменялось навсегда, запрещались сделки с землей, а вся земля безвозмездно обращалась во всенародное достояние и переходила в пользование всех трудящихся землепользователей. Все земли поступали в общенародный земельный фонд, который подлежал периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

Кроме того, согласно Декрету недра и полезные ископаемые, а также леса и воды, име-

¹ СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 3 (2-е издание).

* Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

ющие общегосударственное значение, переходили в исключительное пользование государства. В отношении мелких рек, озер и других подобных природных объектов была сделана оговорка о том, что такие объекты переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления.

Декрет о земле относительно недолго был действующим, однако на протяжении уже почти столетия представляет собой памятник права, отразивший классовый подход к установлению справедливого порядка землепользования.

В обеспечение исполнения положений Декрета о земле об отмене частной собственности и запрете сделок с землей был принят Декрет СНК (Совета Народных Комиссаров) РСФСР от 14.12.1917 «О запрещении сделок с недвижимостью»², которым в целях реализации предстоящего обобществления городской земли фактически запрещались с 18.12.1917 какие бы то ни было сделки по продаже, покупке, залогу и т.п. всех «недвижимостей» и земель в городах. За неисполнение указанного предписания устанавливалась ответственность в виде «денежных взысканий», а также конфискация имущества.

Другим важнейшим правовым актом, принятым во исполнение Декрета о земле, стал Декрет ВЦИК (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов) от 19.02.1918 «О социализации земли»³. Этот Декрет, подтверждая базовые принципы Декрета о земле (отмену частной и иной собственности на землю, трудовое землепользование), значительное внимание уделил управлению землями (разграничив компетенцию центральных и местных органов советской власти), а также вопросам организации трудового землепользования (определению круга субъектов права пользования землей и целей пользования, установлению правовых и экономических основ сельскохозяйственного производства, установлению оснований возникновения и прекращения права землепользования). Указанный Декрет ВЦИК по сравнению с Декретом о земле в значительно большей степени представлял собой нормативный правовой акт в традиционном его понимании.

Как отмечалось выше, Декрет о земле определил принципиальные основы право-

вого регулирования отношений не только землепользования, но и пользования иными природными ресурсами. В развитие его положений, а также Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа⁴ был принят Декрет ВЦИК от 27.05.1918 «О лесах»⁵, который подтвердил отмену любой собственности на леса, а также установил систему норм, определяющих порядок управления лесами, использования и воспроизводства лесов (лесовозобновления), а также их охраны в интересах «общего блага»⁶.

Приведенные законодательные акты в обобщенном виде нашли отражение в первой советской Конституции (Основном Законе) РСФСР⁷, принятой V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918.

В отношении природных ресурсов первая Конституция РСФСР провозгласила, что в осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования; все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием.

Последующие природоресурсные законодательные акты уже в меньшей степени содержали декларативные нормы, а устанавливали конкретные правила пользования природными ресурсами и управления природопользованием. Примерами таких актов могут быть Декрет СНК РСФСР от 30.04.1920 «О переделах земли»⁸, Декрет СНК РСФСР от 30.04.1920 «О недрах земли»⁹.

Особое внимание советское государство уделяло укреплению административных начал в аграрном секторе экономики, что в целом свидетельствовало об огосударствлении землепользования. Об этом говорит Декрет ВЦИК от

⁴ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа : принята III Всероссийским съездом Советов 25 (12) января 1918 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ СУ РСФСР. 1918. № 42. Ст. 522.

⁶ Аналогичный подход, направленный на сохранение и устойчивое воспроизводство объектов животного мира, был реализован в Декрете СНК РСФСР от 27.05.1919 «О сроках охоты и о праве на охотничье оружие» // СУ РСФСР. 1919. № 21. Ст. 256.

⁷ СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

⁸ СУ РСФСР. 1920. № 35. Ст. 170.

⁹ СУ РСФСР. 1920. № 36. Ст. 171.

² СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 154.

³ СУ РСФСР. 1918. № 25. Ст. 346.

10.01.1921 «О комитетах по укреплению и развитию крестьянского сельского хозяйства»¹⁰, согласно которому для всесторонней помощи крестьянскому хозяйству и для руководства сельскохозяйственной кампанией на местах учреждались комитеты по расширению посевов и улучшению обработки земли (посевкомы). Такие меры должны были обеспечить необходимые поставки продовольствия из села, что в тот исторический период следует рассматривать как способ сохранения власти¹¹.

Эти же задачи был призван решить и Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 16.08.1921 «О сельскохозяйственной кооперации»¹², который определил организацию сельскохозяйственных кооперативов в качестве государственного необходимого дела, и предписал органам власти оказывать содействие земледельцам в деле кооперирования.

Поворотной вехой в становлении правового режима земель стал первый Земельный Кодекс РСФСР, принятый Постановлением ВЦИК от 30.10.1922¹³. Кодекс установил, что все земли в пределах РСФСР составляют собственность рабоче-крестьянского государства. Таким образом, для всех земель был определен общий и один из главных элементов их правового режима — принадлежность к государственной собственности. Также Кодекс определил круг субъектов трудового землепользования, их права и обязанности, а также заложил основы категоризации земель по целевому назначению, что следует рассматривать как один из базовых элементов правового режима земель¹⁴. Кодекс не содержал указания на земли как общенародное достояние, однако в общих положениях воспроизвел тезис Декрета о земле об отмене частной собственности на землю.

Тенденция «огосударствления» в законодательстве республики проявилась также в Постановлении ВЦИК от 07.07.1923 «Положение о недрах земли и разработке их»¹⁵, в ко-

тором устанавливалось, что месторождения ископаемых в пределах республики составляют достояние РСФСР.

Дальнейшее становление правового режима земель и других природных ресурсов России связано с образованием СССР, правовые акты которого определяли направление развития природоресурсного законодательства союзных республик. В отдельных случаях органы власти СССР распространяли действие актов РСФСР на союзное государство. Так, Постановлением ЦИК СССР от 13.07.1923¹⁶ действие Положения о недрах земли и разработке их было распространено на все союзные республики, с тем уточнением, что месторождения ископаемых в пределах Союза ССР составляют достояние Союза ССР.

Первая Конституция СССР¹⁷ 1923 года в части природопользования установила, что ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его верховных органов подлежат установление общих начал землеустройства и землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами по всей территории Союза ССР.

Конституция РСФСР 1925 года¹⁸ установила, что вся земля, леса, недра, воды составляют собственность рабоче-крестьянского государства на основах, определяемых особыми законами СССР и верховными органами РСФСР.

Основные принципы правовой политики в сфере земельных отношений на долгосрочную перспективу были определены Постановлением ЦИК СССР от 15.12.1928 «Об утверждении общих начал землепользования и землеустройства»¹⁹. Этим документом советское государство определило основы земельного строя СССР, главным правовым элементом которого являлась исключительная

¹⁰ СУ РСФСР. 1921. № 2. Ст. 14.

¹¹ В тот исторический период широко применялись различные натуральные налоги. К примеру, см.: Декрет СНК РСФСР от 14.06.1921 «О натуральном мясном налоге» и др.

¹² СУ РСФСР. 1921. № 61. Ст. 434.

¹³ СУ РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.

¹⁴ См.: Харьков В.Н. Принцип деления земель на категории по целевому назначению как основное начало государственного управления в сфере использования и охраны земель // Современное право. 2016. № 9. С. 82–89.

¹⁵ СУ РСФСР. 1923. № 54. Ст. 532.

¹⁶ Постановление ЦИК СССР от 13.07.1923 «О распространении на Союз ССР декрета о недрах земли, принятого II сессией ВЦИК X созыва» // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 1. Ст. 19.

¹⁷ Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик : утвержден ЦИК СССР 06.07.1923 // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 2. Ст. 45. Указанный Основной Закон был утвержден с поправками Постановлением II Съезда Советов СССР от 31.01.1924 // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2. Ст. 24.

¹⁸ Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

¹⁹ СЗ СССР. 1928. № 69. Ст. 641.

государственная собственность на землю, государственное управление землепользованием, а также формирование в аграрном секторе социалистических форм коллективного ведения хозяйства.

Законодательное завершение формирование правовой концепции государственной собственности на природные ресурсы как общенародное достояние получило в Конституции СССР 1936 года²⁰. В частности, ст. 6 Основного Закона установила, что земля, ее недра, воды, леса являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием. Такой же подход был закреплен и в последней Конституции СССР²¹ 1977 года (ст. 11), а также в основных природоресурсных актах Союза ССР и РСФСР.

Так, в Основах земельного законодательства Союза ССР и союзных республик²² 1968 года отмечалась преемственность положений Декрета о земле и советского земельного законодательства, определившего принадлежность земель к государственной собственности, являющейся общенародным достоянием (преамбула и ст. 3 Основ). Аналогичные положения были закреплены в Основах водного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 3)²³ и других законодательных актах.

Однако в советский период развития природоресурсного законодательства сформировалась тенденция расширения конституционно-правового значения признания природных ресурсов общенародным достоянием, что выразилось в определении целей и задач правового регулирования природоресурсных отношений, определении базовых принципов управления природопользованием в интересах настоящего и будущих поколений.

Так, в преамбуле Земельного кодекса РСФСР 1970 года²⁴ отмечалось, что земля — важнейшее богатство советского общества, является главным средством производства в сельском хозяйстве и пространственным базисом размещения и развития всех отраслей народного хозяйства; научно обоснованное, рациональное использование всех земель, их охрана и всемерное повышение плодородия почв являются общенародной задачей. Статья 1 ЗК РСФСР указывала, что задачами земельного законодательства являются регулирование земельных отношений в целях обеспечения в интересах настоящего и будущих поколений научно обоснованного, рационального использования и охраны земель, создания условий повышения их эффективности, охраны прав предприятий, организаций, учреждений и граждан, укрепление законности в области земельных отношений.

Аналогичный подход нашел отражение впоследствии в Конституции СССР 1977 года, установившей, что в интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды (ст. 18)²⁵.

Такой же подход мы видим в позднем советском природоресурсном законодательстве и новом российском пореформенном законодательстве.

Так, в преамбуле Основ законодательства Союза ССР и Союзных Республик о земле 1990 года²⁶ указывалось, что Основы регулируют земельные отношения и направлены на создание условий для рационального использования и охраны земель, воспроизводства плодородия почв, сохранения и улучшения природной среды, для равноправного развития всех форм хозяйствования.

Изначально новое российское законодательство также восприняло указанные цели и задачи правового регулирования земельных

²⁰ Постановление Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

²¹ Декларация ВС СССР от 07.10.1977 № 6365-IX «О принятии и объявлении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик» // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 616.

²² Закон СССР от 13.12.1968 № 3401-VII «Об утверждении Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1968. № 51. Ст. 485.

²³ Закон СССР от 10.12.1970 № 564-VIII «Об утверждении Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1970. № 50. Ст. 566.

²⁴ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1970. № 28. Ст. 581.

²⁵ Аналогичные положения были закреплены в ст. 18 Конституции РСФСР 1978 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

²⁶ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 10. Ст. 129.

отношений в качестве основополагающих, базовых принципов осуществления земельной реформы. В частности, в ст. 1 Закона РСФСР «О земельной реформе»²⁷ провозглашалось, что земельная реформа имеет целью перераспределение земли в интересах создания условий для равноправного развития различных форм хозяйствования на земле, формирования многоукладной экономики, рационального использования и охраны земель.

Земельный кодекс РСФСР 1991 года²⁸ в качестве задач земельного законодательства назвал регулирование земельных отношений в целях обеспечения рационального использования и охраны земель, создание условий для равноправного развития различных форм хозяйствования на земле, воспроизводства плодородия почв, сохранения и улучшения природной среды и охраны прав на землю граждан, предприятий, учреждений и организаций (ст. 1).

Впоследствии в федеральном земельном законодательстве наметился отход от указания целей и задач правового регулирования, в частности, действующий Земельный кодекс РФ²⁹ не содержит прямого указания таковых, а закрепил в статье 1 основные принципы земельного законодательства.

Конституция России 1993 года установила, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории; природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (ст. 9). Такая схоластическая формула о содержании надлежащей деятельности, отвечающей интересам народов Российской Федерации в сфере использования и охраны земель и иных природных ресурсов, в значительной степени затруднила определение целей и задач правового регулирования пользования землей и иными природными ресурсами. Л.П. Фомина справедливо отмечает, что право нуждается в постулате целевого, любой юридический институт не существует вне цели его создания, вне индивидуального или общественного интереса в достижении цели³⁰.

Задача выявления конституционно-правового смысла положений ст. 9 Конституции была решена Конституционным Судом РФ в ряде постановлений. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 09.01.1998 № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации»³¹ Суд указал, что лесной фонд ввиду его жизненно важной многофункциональной роли и значимости для общества в целом, необходимости обеспечения устойчивого развития и рационального использования этого природного ресурса в интересах Российской Федерации и ее субъектов представляет собой публичное достояние многонационального народа России, является федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 года № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»³² Суд указал, что народам, проживающим на территории того или иного субъекта Федерации, должны быть гарантированы охрана и использование земли и других природных ресурсов как основы их жизни и деятельности, т.е. как естественного богатства, ценности (достояния) всенародного значения.

Большое значение для определения целей и задач правового регулирования земельных отношений имеет постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 № 8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы»³³, в котором выражена правовая позиция, детализирующая содержание обязанностей публичных органов власти применительно к требованиям части 1 статьи 9 Конституции РФ. Так, в постановлении Суд указал, что конституционная характеристика земли как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей терри-

²⁷ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 26. Ст. 327.

²⁸ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 22. Ст. 768.

²⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

³⁰ Фомина Л.П. Тенденции развития земельного законодательства Российской Федерации в ус-

ловиях глобализации // Аграрное и земельное право. 2008. № 11. С. 10.

³¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 3. Ст. 429.

³² Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 25. Ст. 2728.

³³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 18. Ст. 1833.

тории, т.е. всего многонационального народа Российской Федерации, предопределяет конституционное требование рационального и эффективного использования, а также охраны земли как важнейшей части природы, естественной среды обитания человека, природного ресурса, используемого в качестве средства производства в сельском и лесном хозяйстве, основы осуществления хозяйственной и иной деятельности. Сформулированные Конституционным Судом РФ приведенные доктринальные правовые позиции определяют публично-правовой характер отношений пользования землей и иными природными ресурсами, обязывая участников природоресурсных отношений обеспечить рациональное и эффективное использование и охрану природных ресурсов.

Таким образом, выведя «за скобки» вопросы собственности, сравнительный анализ правового режима земель и иных природных ресурсов советского периода и настоящего времени позволяет выявить общие сущностные элементы правового режима природных

ресурсов, состоящие в определении законодателем публично-правовых ограничений, имеющих целью обеспечить устойчивое использование природных ресурсов (общенародного достояния) в интересах настоящего и будущих поколений граждан России, посредством установления отраслевым законодательством правил рационального и эффективного использования и охраны земель и иных природных ресурсов.

Представляется, что такой подход в правовом регулировании земельных и иных природоресурсных отношений, учитывающий позитивное правовое наследие, и требующий от органов власти и природопользователей обеспечить рациональное, эффективное и целевое использование и охрану природных ресурсов, позволит гарантировать реализацию конституционных социально-экономических и экологических прав и свобод человека и в конечном итоге будет способствовать устойчивому развитию страны на длительную перспективу.

Литература

1. Фомина А.П. Тенденции развития земельного законодательства Российской Федерации в условиях глобализации // *Аграрное и земельное право*. 2008. № 11. С. 4–22.
2. Харьков В.Н. Принцип деления земель на категории по целевому назначению как основное начало государственного управления в сфере использования и охраны земель // *Современное право*. 2016. № 9. С. 82–89.

Обычное промысловое право у коми-ижемцев как гарант соблюдения эко-баланса в ретроспективе и в современности*

*Плоцкая Ольга Андреевна,
доцент кафедры истории и теории государства и права
Коми республиканской академии государственной службы и управления,
член-корреспондент Международной академии образования,
кандидат юридических наук, доцент
olga.plockaya@mail.ru*

*Полушина Виктория Олеговна,
сотрудник Сыктывкарского государственного университета
v.p_2013@ro.ru*

В статье рассмотрены особенности применения норм обычного этнического права в промысловой среде у коми-ижемцев. Особое внимание уделено роли обычного промыслового права у коми-ижем-

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ и Республики Коми, проект № 14-13-11001 «Этно-правовой мир коми (зырян)».

цев как своеобразного гаранта соблюдения экологического баланса на территории Севера России. Исследованы современные тенденции в развитии обычного ижемского промыслового права.

Ключевые слова: правовой обычай, обычное этническое право, обычное промысловое право, эко-баланс, правила поведения, охотник, коми (ижемцы), финно-угры.

Customary Fishing Right of the Izhma Komi as a Guarantor of Ecological Balance in Retrospect and in the Present

Plotskaya Olga A.,

*Assistant Professor of the Department of History and Theory of State and Law of the Komi Republican Academy of State Service and Administration
Corresponding Member of the International Academy of Education,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

Polushina Viktoria O.,

Employee of the Syktyvkar State University

The article describes the features of the application of customary law in the ethnic commercial environment Komi Izhemtsy. Particular attention is paid to the role of customary fishing rights in Komi Izhemtsy as a kind of guardian of the ecological balance in the territory of the Russian North. Investigated current trends in the development of customary fishing rights Izhemskiy.

Key words: legal tradition, ethnic usual, customary fishing rights, eco-balance, rules of conduct, hunter, Komi (Izhemtsy), Finno-Ugric peoples.

Современный механизм взаимоотношения человека с природой, его адаптация к окружающей среде и изменение ее для своих материальных и духовных потребностей практически полностью регулируется нормами позитивного права. Однако эффективность правового регулирования охраны окружающей природной среды и рационального природопользования пока оставляет желать лучшего.

Возможности обычно-правового регулирования природопользования для создания механизмов взаимодействия крупных промышленных компаний и коренных народов Севера детально не изучены. От разрешения данной проблемы во многом зависит существование северных финно-угорских народов России, ведущих традиционный образ жизни, связанный с рыболовством, охотой, собирательством, оленеводством.

Обычное промысловое право народа коми, и в частности коми-ижемцев, сложилось как результат определенного поведения человека по отношению к природе. Первоначально правовой обычай как локальный регулятор в виде простых правил поведения, санкционированных обществом, развивался и применялся в обособленных обществах, в которых отсутствовали правовые нормы или количество правовых норм было недостаточно для регулирования всех возникающих общественных правоотношений.

Одной из важнейших особенностей применения промысловых обычно-правовых норм у коми-ижемцев являлось отражение

их в сгруппированной системе, куда входили прежде всего правовые нормы, институты, юридические обычаи, регулировавшие отношения в хозяйственной деятельности в промысловой сфере.

Правовые обычаи осуществлялись в течение длительного периода и включали в себя конкретные нравственные правила и предписания, которые соответствовали общественным и религиозным представлениям коллектива. Такие правовые обычаи регулировали ту или иную ограниченную сферу общественного поведения, являлись общеобязательными для всех членов общества, которые в большинстве своем поддерживали их и придерживались предписаний, упорядочивая общественные отношения.

Применение правового обычая было обусловлено не только компактным проживанием коми-ижемцев на пространствах северных территорий, но и сохранением традиционных форм ведения хозяйственной деятельности, таких как рыболовство, охота, собирательство, оленеводство; относительно низким уровнем миграции народа коми, имеющего оседлый образ жизни. Правовой обычай у коми-ижемцев являлся обязательным для каждого участника правоотношения.

Промысловые обычно-правовые отношения включали в себя нормы, регулировавшие владения промысловыми угодьями, снастями, капканами и т.д., распределение добычи, а также меры наказания за нарушение общепринятых правил.

Важное место в жизни народа коми занимает охота. Издревле охота кормила коми-ижемцев и давала дополнительный доход для семьи и самого охотника. В современном мире с появлением множества профессий и дохода нет особой необходимости заниматься промыслом. Однако зов крови (генетическая память) подталкивает старожил, молодежь и среднее поколение мужского населения идти в любую погоду за добычей.

В соответствии с обычно-правовыми воззрениями ранее охотой и рыболовством занимались мужчины, это было и есть неписаное право. Однако можно отметить и исключения: если у охотника только дочери, то он брал и берет сегодня на помощь жену или более способную и выносливую дочь. Есть случаи, когда девочки очень хорошо отстреливали дичь или ловили рыбу на сети и другие приспособления. Если же охотник бездетен, то он брал на обучение племянника или охотился с соседом, что свидетельствует о сохранившихся общинно-соседских отношениях. Также охотник мог пригласить другого охотника, если намечалась крупная добыча. Подобные обычно-правовые нормы в промысловом праве сохранились у коми-ижемцев до сих пор.

Иногда, если намечается крупная добыча, собираются артели из 2–4 охотников. Самый старший и опытный охотник является главой артели. Однако чаще всего определяющим критерием является опытность охотника.

Перед предстоящей охотой охотник за день собирает продовольствие с учетом того, на сколько дней собирается в лес. Охотники очень организованны, любят вести дневники, записывать даты выезда на охоту. За ужином охотники рассказывают многочисленные истории, связанные с добычей, обучая молодое поколение промысловой модели поведения в разных ситуациях.

Огромное значение при создании артели играет факт выбора охотника для приглашения его на охоту. Обычно берут проверенных людей. Из слов Гаврил Олега (Канева О.Г., 14.09.1966, Ижемский район, с. Няшабож): «Не пойдешь же в лес с кем попало. Ходят только с теми, кого хорошо знаешь, уверен, что не бросит в лесу. А того чтоб в лесу бросали товарища и не выручали, такого я еще и не слышал».

В обязательном порядке охотник берет продукты, медикаменты, дополнительную одежду, инструменты, снасти, и другое не только на себя, но и на другого охотника, которого, возможно, встретит во время про-

мысла, нуждающегося в помощи. Помощь случайно встретившемуся охотнику, получившему травму, — это обязательное неписаное правило леса, которое входит в состав «согрус silva» (обычного лесного кодекса).

Лесные угодья «угод туй» охотник получает либо по наследству от отца или деда, либо согласно обычно-правовым нормам, от соседа или осваивает самостоятельно. В последнем случае охотник должен узнать, где есть свободное место, затем предупреждает будущих соседей. Существует два варианта, при которых сосед либо согласен на подобное соседство, либо нет. В любом случае охотник смотрит по карте, если у соседа угодье большое, то он физически не может отслеживать еще больший участок, и можно смело строить лесную избушку «вор керка» или «яг керка», но если лесное угодье маленькое, лучше искать в другом месте. Из слов охотника Макара Захар Гаврила (Канева Гаврила Захарьевича, 1936 года, Ижемский район, д. Пиль-Егор): «Земли много, поэтому спорить из-за ней как-то не принято, да и засмеют». Ввиду наметившейся современной тенденции, связанной с переселением молодых людей, охотников становится меньше, поэтому лесных угодий достаточно много.

Если раньше, согласно обычно-правовым нормам, административными границами угодий являлась система рек и лесных ручьев, то в современной ситуации дополнительным критерием, определяющим границы угодья, принято считать трассы, которые были образованы в результате геологических разработок.

Родовыми пасами в современной Ижме практически не пользуются, так как информация о новом правообладателе охотничьих угодий передается устно. Обязательным обычно-правовым условием, при котором охотник вступает в права собственника на занятой им лесной территории, остается его обязанность построить лесную избушку «вор керка» и поставить силки «лоч» осенью и зимой, приготовить сухие дрова, «первую спасательную помощь» в виде запаса еды: чай, сахар, сухари, соль, спички, одежду, некоторые медикаменты, незначительную кухонную утварь. У каждого охотника, попавшего в затруднительное положение, существует право пользования этой избой, но согласно обычно-правовым нормам, только в случае острой необходимости. Таким случаем может являться болезнь, поломка транспорта, получение травмы и т.д.

Несмотря на то, что право пользования чужой избушкой в форс-мажорной ситуации есть у всех нуждающихся в помощи промысловиков, однако трогать силки, капканы, красть добычу обычно-правовые нормы запрещают. В случае экстренных ситуаций обычное право санкционирует употребить в пищу часть добычи из силка, но предупредить хозяина угодья. Правовое воспитание и высокий уровень правосознания не позволяет коми-ижемским промысловикам воровать добычу из силков, так как, своровав один раз, можно осрамить весь род и даже получить негласную кличку вора, которая будет относиться ко многим будущим поколениям. Человеку, признанному вором, не помогут в сложной жизненной ситуации другие охотники. Поэтому существует даже фраза, которая выражает антагонистический настрой общества к промысловому вору — «модын абу» (нет в привычке).

Охотник Ванько пи Вась (Канев Василий Иванович, 1965 года, Ижемский район, д. Пиль-Егор) вспоминал: «Дед рассказывал, что и на его веку встречался один вор, так его руки привязали к пятиметровому шесту и пустили домой, так он дошел до соседней лесной избушки через густой лес. Его, конечно, там развязали, но молва о его воровстве до сих пор на детях, так и кличут «вор челядь» (дети вора). Такой позор «потка юр оз сулав» (не стоит головы дичи)».

Также следует отметить, что любое воровство хозяин угодья замечает, так как у каждого охотника есть свои секреты в установке силков и капканов.

Согласно обычно-правовым нормам раздел добычи производится двумя способами. Первый способ — делить всю добычу пополам «ен пуд» («Божья доля», «Божья часть»), независимо от того, кто подстрелил, из одной семьи охотники или из разных, есть ли необходимое оборудование и инвентарь у одного охотника для охоты (снаряжение, продовольствие, техника), а у другого только ружье и припасы. Второй способ «сюа пай» («одна третья часть от добычи или всего улова») — выделение части добычи. В настоящее время существуют обычно-правовые нормы, которые второй способ осуждают и не признают. Поэтому сегодня добычу стараются делить первым способом независимо от обстоятельств. При делении «ен пуд» из трех охотников самый опытный делит на три части добычу, затем второй охотник поворачивается спиной к добыче, опытный охотник броса-

ет варежку на одну часть добычи и спрашивает: «кому»? Второй отвечает, кому из охотников достанется данная часть. И так делится все пойманное. Следовательно, когда добыча делится с помощью Бога, никому не обидно и все по справедливости.

Часто молодые охотники желают поймать больше добычи, чем могут унести. Это очень сильно осуждается старшими охотниками. Сохраняя экобаланс, промысловая мораль запрещает подобное действие. Считается, что настоящие охотники ненавидят таких людей и выносят на всеобщее осмеяние. Среди охотников обычно есть опытный охотник-старожил, к мнению которого прислушиваются даже молодые. Он и является арбитром в регулировании спорных вопросов подобного характера. Обычно охотник-старожил сам поучает молодых охотников, без просьбы родителей.

По словам Гаврил Олег Вась (Канев В.О., 1990 г.р., Ижемский район, с. Няшабож): «На Печоре рыбачил дедушка Василий до 80 лет, и его слово имело большой вес, бывали случаи спора, когда он вмешивался. Обычно достаточно было сказать ему свое слово — и все расходились или могли пожать руки, и мирно общаться. В его присутствии вообще не принято было ругаться. Еще интересно то, что когда он был на берегу, возле него собирались и дети, и подростки, и взрослые рыбаки и слушали его поучающие рассказы. Было за честь помочь ему на рыбалке вытащить сеть или починить ее и др.»

А вот в настоящее время уже не наблюдается поучения старожилков. Это время наших прадедов. Сейчас больше поучения со стороны отца. То есть отец осуществляет правовое воспитание сына, а на отца оказывает влияние общество. Так, если сын поймал много дичи и не сумел сохранить ее, его уже ругают, поучают, дает наставления отец, рассказывает о своде правил охотника. Как правило, сыновья это быстро понимают и запоминают. До крайних мер обычно не доходит, например: запрещает отец охотиться в этом угодье. Если добычу сын не сумеет сохранить: поймал больше и не смог все унести, или не проверяет силки и там сгнила добыча, и об этом узнает кто-то из населения, то осуждается уже не сын, а отец. Так, при общении с отцом кто-то может нелестно выразиться, посмеяться, намекнуть или сказать прямо: «Но мый, потка-ыд ягас уна, позьо и еще сисътыны?» («Ну что, дичи много в лесу, можно и еще сгноить?») Однако такие случаи не часто бывают.

Обычное право предписывает оказывать в лесу помощь охотнику, попавшему в сложную ситуацию. Добравшись до деревни, такой охотник должен оповестить хозяина избушки. Также при встрече двух охотников соблюдаются нормы обычного права, которое предписывает доброжелательно относиться друг к другу. Они обмениваются рукопожатием и интересуются, как себя чувствует собеседник, как ведет себя техника, все ли хорошо. При появлении необходимости в медикаментах охотники охотно делятся друг с другом. Несмотря на то что эти охотники в деревне могут вообще не общаться и быть друг о друге плохого мнения, однако «*corpus silva*» предписывает подобное поведение в лесу. Происходили случаи, когда ломалась техника (снегоход) одного охотника и другой в суровых климатических условиях оставался с ним и помогал исправить поломку. Если технику приводили в порядок, то охотники разъезжались, если же нет, то второй охотник вез первого домой. С одной стороны, это нерационально, ведь в планах второго была охота, но оставить охотника в беспомощном состоянии и «модын абу» (нет такой привычки) не позволяют ни правосознание промысловика, ни обычно-правовые нормы.

Если охотник заготавливал продовольствие только для себя, он и вся его семья высмеиваются всем населением, и впредь его уже не пригласят на совместную охоту на крупную добычу, а также в совместные посиделки охотников. Общественное мнение, отраженное в сложившемся правовом обычае, имеет для коми-ижемцев огромное значение. Из-за обособленности, недостаточно развитой инфраструктуры, оторванности от мира во время распутицы каждый житель, в том числе и охотник, понимает зависимость друг от друга, и только соблюдение веками сложившихся обычно-правовых норм спасает в тяжелые моменты и обеспечивает бесперебойный жизненный цикл.

В современном позитивном законодательстве детально регламентируются санкционированные сроки проведения охоты. Однако обычное право коми-ижемцев издревле регламентировало процесс отстрела: «одну неделю весной и с осени до конца зимы». Весной — некоторые виды уток, а с осени — боровую дичь. По словам охотника (Макар Захар Гаврила (Канева Гаврила Захарьевича, 1936 года, Ижемский район, д. Пиль-Егор): «Крайне неразумно «бить» птицу весной и оставлять свое угодье пустым на осень, ведь

всем известно, от одной глухарки народятся семеро птенцов, а от куропатки — четырнадцать. Это очень глупый охотник может так сделать. Я таких не видел».

Обычное право запрещало летом охотиться. Если осенью охотник начал охоту раньше установленной даты, то такой поступок осуждался всем населением, так как почти в каждой семье есть охотник.

Возникали спорные ситуации. Так, если охотники строят избушки на чужом лесном угодье, не спросив согласия хозяина, то хозяин может затаить обиду. Но со временем конфликт разрешается. Обычно мирным путем. Охотник — хозяин угодья подходит ко второму охотнику-хозяину и отмечает свои границы, а второй охотник, если уже построил избушку и пользуется ею на территории первого, то остается на этом месте. Если же стоит только сруб, то стороны охотно переносят его в другое место, за пределы границ угодья первого хозяина. Совместно могут охотиться, если хозяин угодья сам пригласит данного человека. Обычно настоящие охотники-промысловики разрешают споры мирным путем, договариваясь, так как кричать, ругаться и спорить в лесу не принято, «удачи не будет». И всегда последнее слово за хозяином угодья. Таким образом, на одном охотничьем угодье могут охотиться два охотника, что бывает крайне редко, поэтому второй охотник старался находить новое угодье. У коми-ижемцев считается, что «угодье держится всегда за хозяином».

Из слов старожилы Макар Захар Гаврила (Канева Гаврила Захарьевича, 01.04.1936, Ижемский район, д. Пиль-Егор): «Лес вон какой большой, зачем лезть друг на друга, не понимаю...»

Однако если по наследству, в соответствии с обычно-правовыми нормами, достается угодье троим сыновьям, то сыновья или расширяются, делают «ветки» от основного угодья, или если некуда уходить, то ходят на охоту по очереди. В первую неделю — старший, через неделю — средний и т.д. Часто для того, чтобы не истощилось угодье, один из братьев отделяется и ищет себе новое место для угодья.

Могут угодье содержать и два друга, ходят по договоренности по очереди или вместе. Если по очереди, то стараются через неделю, чтобы дичь или зверь прибили.

Сегодня, сохраняя действенность обычно-правовых норм, охотничьи угодья передаются по наследству. Как и ранее, обычное

этническое право не запрещает в случае бездетности охотника передавать охотничьи угодья соседу или иному молодому члену деревни.

Таким образом, необходимо отметить, что значительное место в общественной жизни коми-ижемцев принадлежало и сегодня принадлежит охотничьему промыслу. Он давал не только пищу и материал для изготовления

одежды, но и пушнину, служившую основой меновой торговли. Для некоторых из них этот промысел являлся главным источником существования. Поэтому у коми-ижемцев до сих пор сохранился тщательно разработанный институт обычного промыслового права, являющийся гарантом соблюдения экобаланса и регулирующий все существенные его случаи, в том числе и право на охотничью территорию.

Генезис и развитие института примирения как способа разрешения конфликтов в обществе. Основные этапы

*Мачучина Олеся Александровна,
преподаватель, Некоммерческая организация
«Фонд поддержки образовательных программ»
olesya.machuchina@yandex.ru*

Данная статья посвящена выделению пяти основных стадий развития института примирения в праве, а именно с древнего мира до современности; представленная этапированность основана на анализе памятников как национального, так и международного права, кроме того определяется главная или второстепенная роль института примирения по сравнению с целевой направленностью на восстановление и сохранение внутриобщинного мира, возмещение имущественного ущерба. Оценивается трансформация источников конфликта от ущерба, нанесенного человеком, до имущественного ущерба, а также характер конфликта и влияние данных процессов на институт примирения. Генезис института примирения определяется через зарождение первых организованных человеческих сообществ, устанавливается взаимосвязь развития института примирения и торговых отношений, религии. Определяется момент использования правовых средств в примирении, мер поощрения со стороны государства и появление государственных гарантий исполнения акта, принятого в процессе применения примирительных процедур. Прослеживается динамика развития основных процедур примирения, таких как посредничество, переговоры, выявляются причины создания специальных органов, таких как Федеральная служба США по медиации и примирительным процедурам, и иных организаций (например, Группа альтернативного разрешения споров, Институт разрешения споров при Центре общественных ресурсов).

Ключевые слова: конфликт, примирительные процедуры, альтернативное разрешение спора, институт примирения, переговоры, посредничество.

Origin and Development of the Institute of Reconciliation as a Way of Social Conflict Resolution. Main Stages

*Machuchina Olesya A.,
Lecturer of the Non-Profit Organization
“Foundation for Support of Educational Programs”*

This article focuses on the release of the five main stages of development of conciliation Institute in the law, from the ancient world to the present; this allocation based on the analysis of monuments of both national and international law, in addition there is determined by the primary or secondary role of the Institute of reconciliation in comparison with the target focus on recovery and the preservation of internal peace, compensation for property damage. The article evaluates the transformation sources of conflict, from damage to person, to property damage, as well as the nature of the conflict and the impact of these processes on the institution of conciliation. The Genesis of the conciliation institution is determined through the first organized human communities, there is established the relationship of the development of the Institute for rec-

conciliation and trade relations, and religion. The article defines of using legal means to reconciliation, incentives from the state and the emergence of the state guarantees of execution of the decision adopted in the process of applying the conciliation procedure. The article traces the dynamics of development of basic conciliation procedures, such as mediation, negotiation, the reasons for the establishment of special bodies such as the FMCS Federal Mediation Conciliation Service, and other organizations (e.g., ADR-Group, Centre for Effective Dispute Resolution).

Key words: *conflict, conciliation, alternative dispute resolution, Institute for reconciliation, negotiation, mediation.*

Конфликты, возникающие по тем или иным причинам, являются составной частью отношений между людьми. «Они имеют место в отношениях и индивидов, и семей, и общественных групп, и государств, и межгосударственных объединений»¹. Поэтому можно утверждать, что история примирительных процедур начинается с зарождения первых организованных человеческих сообществ, а наибольшее развитие они получили в регионах, где развиты торговые системы.

Зарождение, развитие и применение примирительных процедур имели свои особенности у разных народов и государств. Примером данного утверждения могут служить примирительные процедуры в обычном уголовном праве кавказских народов, а также древнескандинавский суд.

Изначально целью являлось восстановление и сохранение внутриобщинного мира, а не примирение участников конфликта. Таким образом, можно говорить о второстепенной роли примирения, в отличие от «судебного» решения, и о зависимости исполнения мирового решения от согласия сторон, что определяет основной принцип примирительных процедур — добровольность.

История примирительных процедур, направленных на разрешение и урегулирование конфликтов, напрямую связана с историей развития обычая примирения.

Как справедливо указывают А.М. Васильев, Н.М. Михайленко, «правовой обычай по своей природе консервативен. Даже в существующих обычаях могут отражаться в ряде случаев и предрассудки, и пережитки, негативно сказывающиеся на прогрессивном развитии общества, что говорит о том, что содержание обычно-правовых норм всегда надо учитывать»².

¹ Карпович О.Г. Конфликты цивилизаций и права человека // Юридический мир. 2011. № 12. С. 46–49.

² Васильев А.М., Михайленко Н.М. Роль правового обычая в правовой культуре общества (на примере Северного Кавказа) // История государства и права. 2015. № 16. С. 7–11.

Варварские правды германских народов, которые хотя и предусматривали возможность примирения путем внесения денежной суммы, однако для народов с принципом «кровной мести» данное обстоятельство было связано с совершением определенных ритуалов или необходимостью выждать установленный срок для совершения выплат.

История примирительных процедур начинается с момента появления родовых объединений. Первые родовые объединения возникли на Ближнем и Среднем Востоке около 12 000 лет назад. С появлением родственных кланов право индивида на силу трансформировалось в институт кровной мести. Организация племенной власти основывалась на началах родоплеменной демократии. Деятельность племенных органов содействовала расширению связей между родами и братствами, урегулированию межродовых конфликтов, отношений с другими племенами³. Мирное разрешение конфликта, возможно, было внутри одного рода, в отличие от конфликтов межродовых, где действовал принцип Талиона «око за око, зуб за зуб».

Первоначально источником конфликтов являлся ущерб, нанесенный человеком, однако с развитием товарообменных отношений и зарождением экономики важным источником уже становится имущественный ущерб. В силу чего действовало два принципа разрешения конфликта: принцип возмездия и принцип возмещения вреда при коллективной вине группы.

С развитием общин, увеличением их размера стало возможным возникновение и конфликта внутри общины. При этом если виновная сторона имела намерение возместить ущерб, то между группами, вовлеченными в конфликт, велись переговоры, нередко через лицо или лиц, не принадлежащих ни к одной из них, но связанных и с той, и с другой. С данного момента можно говорить о возникновении института посредников.

³ См.: Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов / А.И. Абрамова [и др.]; под ред. А.С. Пиголкина. М., 2003. 544 с.

В первобытном обществе возникает прототип двух видов примирительных процедур с участием третьей независимой стороны и без ее участия. Одновременно с этим происходит становление института посредников и формирование процессуальных норм, которые сначала закреплялись обычаями, а затем применялись в праве древних государств.

Конфликт в эпоху античности носил характер войны и разрешался путем применения силы, но позднее на место кровопролития приходил метод переговоров, о чем свидетельствуют памятники истории, датируемые VIII в. до н.э. Согласно им «участники спора обращались по взаимному согласию к человеку, сведущему в законах, который выслушивал позицию и требования сторон и рассудил их спор»⁴, причем, в отличие от права Древнего Египта, здесь уже говорится не об уважаемом человеке, а о юридически грамотном арбитре. Идея примирения отражена также и в праве Древнего Рима, в Законах 12 таблиц.

В Древнем мире процедура обращения к третьей стороне была распространена не только на территориях, известных торговыми отношениями (финикийская цивилизация, Древний Вавилон), но и в тех государствах, где моральное право превалировало над государственным (например, Китай, Япония)⁵.

Как высказывается В.А. Гавриленко, «использование арбитража в античные времена служило разрешением споров между частными лицами»⁶ и не имело четких границ с государственным механизмом урегулирования споров.

Использование правовых средств в примирении берет начало с мировой сделки (*transactio*), представляющей собой соглашение о взаимных уступках, к которому стороны прибегали, когда испытывали те или иные трудности в доказывании своих требований. К концу «классической эпохи римской истории *transactio* становится самостоятельным источником гражданского обязательства в качестве безымянного контракта (*contractus innominatus*) и получает правовую защиту по-

средством *actio praescriptis verbis* (иски, возникающие из таких контрактов, за которыми не закреплено определенных наименований и которые заключаются путем передачи вещи одним лицом другому)⁷.

Первоначально разрешение спора негосударственным методом осуществлялось в коммерческой и семейной сферах жизни. Впоследствии исполнение решения арбитра гарантировалось уплатой штрафа, в случае его неисполнения.

Ориентированность обычного права на урегулирование споров путем переговоров еще больше усилило церковное право. Принятие народами Европы христианства повлекло значительные изменения в праве. А с появлением письменности племенные обычаи были записаны и стали представлять свод законов.

С развитием государственности создавались и суды, где споры разрешались не только на основе *lex communis* (обычного права), но и посредством примирения. Наряду со светскими, возникали и церковные суды.

«Эти две судебные системы вступали в конкуренцию между собой. Начиная с VI в. н.э. различные ведущие священнослужители писали сборники правил, известные как церковные Уложения о наказаниях («penitentials»), устанавливающие различные наказания за грехи. Обычному праву было известно понятие компенсации за причинение ущерба (в англосаксонском праве — *bot*). Церковные уложения о наказаниях восприняли этот институт. Предложение разумной компенсации жертве или ее родственникам являлось предложением примирения, которое стороны были обязаны соблюдать. Институт — *bot* — был известен и обычному, и церковному праву»⁸. Однако цели примирения оставались разными.

Обычай примирения пользовался значительной популярностью, поскольку способствовал сохранению и укреплению мира и порядка в обществе, что положительно отражалось на экономических, деловых отношениях. Несмотря на благоприятные последствия, примирение имело и ряд отрица-

⁴ Гавриленко В.А. Вопросы истории третейского разбирательства споров (Древний мир и Средние века). URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=1&art=394>

⁵ Евсеев А. Медиация — универсальная технология решения споров // Медиатор. Внесудебные процедуры — альтернативное урегулирование споров — примирение сторон. URL: <http://mos-mediator.narod.ru>

⁶ Гавриленко В.А. Указ. соч.

⁷ Власенко Н.А., Чернышова Т.В. Примирение и право // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 91–106. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Давыденко Д.А. Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частных правовых споров (по праву России и некоторых зарубежных стран) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 257 с.

тельных, поскольку примирители нередко вмешивались в разрешение спора, навязывая свои услуги, при отсутствии обращения и согласия сторон.

Возрождение идеи права в XI в. приводит к повышению роли судебного рассмотрения споров, а также к формированию канонического частного права, образованию системы торгового права.

Применение института примирения со стороны государства обеспечивалось мерами поощрения. Например, Кодексом Этельреда (начало XI в.) устанавливалась равноценность мирового соглашения и судебного решения.

В XII–XIV вв. суды в европейских государствах (включая Англию) регулярно проводили *dies amonі* (дни примирения). Эти дни были посвящены принятию мер, направленных на примирение сторон.

В период Средневековья характерной особенностью споров являлось то, что они носили частный характер. С увеличением притязаний церкви она все чаще также становилась участником спора.

В указанный период развивается и посредничество при урегулировании торговых споров. «В XI–XII веках в Европе произошел существенный рост торговли, появилась профессия купцов. Интересы стабильного развития торговли требовали как ясных и четких правил торговли, так и наличия механизмов оперативного разрешения и урегулирования споров. Развитие разъездных ярмарок способствовало росту числа торговых споров. Выработка правил торговли и разрешения споров происходила на ярмарках в крупных торговых центрах (в Шампани, Лионе, Анвере, Генуе). Сами коммерсанты выступали в качестве арбитров и примирителей при урегулировании торговых споров. Так появился и коммерческий арбитраж. Помимо ярмарок традиционным местом для ведения переговоров по улаживанию споров, связанных с ведением профессиональной деятельности, были гильдии и цеха»⁹.

В первых источниках кодифицированного права арбитраж уже рассматривается как альтернатива судебному разбирательству.

Альтернативное урегулирование правового спора становится более привлекательным в свете конфликта юрисдикции судов, параллельной юрисдикции. Первоначально

особенностью применения примирительных процедур являлась устность процесса урегулирования конфликта. Наиболее распространенной процедурой было посредничество, с течением времени трансформировавшееся в досудебную процедуру, которую необходимо было соблюсти до обращения в суд. Расширялся список категорий дел, по которым можно было разрешить дело миром: к семейным, торговым спорам прибавляются споры, вытекающие из причинения ущерба, вреда, насильственные преступления.

Нотариальные реестры департаментов Овернь и Лангедока содержат тексты мировых соглашений, составленных в XVIII в., которыми урегулировались даже дела об убийстве.

На судей во многих странах, таких как Голландия, Бельгия, возлагались функции примирителей, что способствовало развитию института примирения через институт судей-примирителей (*faiseurs de paix*). Результатом чего явилось создание института мировых судов, для которых первоначальной задачей ставилось склонение сторон к миру, а дополнительной — разрешение незначительных имущественных споров. Для того чтобы данный институт работал, он был закреплен в кодексах ряда стран, например в Гражданском процессуальном кодексе Франции 1806 г., и был обеспечен гарантиями в виде выдачи истцу акта о проведении примирения, с которым можно было обращаться в вышестоящую инстанцию. Подход, заложенный в «Кодексе Наполеона», воспринят в гражданских кодексах многих стран.

Возрождение и возникновение новых примирительных процедур происходит на территории Соединенных Штатов Америки в 60-е гг. XX в., в результате чего появляется новое понятие «альтернативное разрешение споров». В середине XX в. создан специальный орган федерального значения — Федеральная служба США по медиации и примирительным процедурам. Позднее возникли негосударственные организации, создан Институт разрешения споров при Центре общественных ресурсов.

Кризис, охвативший судебную систему США в 80-е гг. XX в., затронул и страны Западной Европы. В результате в них тоже возрастает интерес к примирительным процедурам, создаются специализированные организации, содействующие в урегулировании спора, например, Группа альтернативного разрешения споров и лондонский Центр по разрешению споров.

⁹ Давыденко Д.А. Из истории примирительных процедур в Западной Европе и США. URL: http://www.mediators.ru/rus/about_mediation/literature/text6#13

Следующим значительным шагом развития примирительных процедур было принятие Комиссией ООН по праву международной торговли в 1980 г. Примирительного регламента.

Благодаря активной деятельности организаций по пропаганде применения примирительных процедур посредничество во многих странах становится процессуальным институтом. Основываясь на Типовом регламенте ЮНСИТРАЛ, многие государства приняли решение о включении в законы об арбитраже примирения либо как отдельной процедуры, либо как процедуры в рамках арбитража.

Значительный вклад в формирование несудебных форм разрешения спора внесло и право Канады. В 1974 г. небольшая группа третейских судей из Торонто провела встречу, результатом которой стало формирование Канадского института арбитража. Следующим шагом стало открытие Национального института арбитража, а в дальнейшем были открыты и региональные офисы. В связи с усилением сотрудничества между группами в 1985–1986 гг. институт реорганизован и переименован в Канадский институт арбитража и посредничества.

Резюмируя вышеизложенное, предлагаем следующую периодизацию истории становления и развития института примирения как способа разрешения конфликтов в обществе.

Первым этапом истории института примирения является рассмотрение его через призму принципа Талиона «ока за око, зуб за зуб» и возмещения вреда. Хронологические рамки данного этапа соотносятся с времен-

ными рамками эпохи Древнего мира (4000–3000 до н.э.), а заканчиваются падением Римской империи в V в. н.э. Особенностью этапа является возникновение прототипа двух видов согласительных процедур. Одновременно с этим происходит становление института посредников, зарождение и закрепление их в обычаях определенных правил (норм).

Второй этап истории института примирения связан с закреплением обычных норм в кодифицированных актах. Особенность данного этапа — отмирание принципа кровной мести и замена его уплатой «виры». Параллельно идет поддержание принципа мирного разрешения конфликта со стороны церкви.

Третий этап истории института примирения характеризуется закреплением за мировым соглашением статуса судебного решения, которое обязательно к исполнению и является самостоятельным актом, завершающим процесс, а также зарождением коммерческого арбитража. Хронологически данный этап начинается с X–XI вв. Особенностью является увеличение субъектного состава конфликта, расширение категорий дел, по которым возможно разрешение дела миром.

Четвертый этап характеризуется созданием института мировых судов, для которых первоначальной задачей ставилось склонение сторон к миру.

Пятый этап сопряжен с возрождением и возникновением новых примирительных процедур, в результате чего появляется новый термин «альтернативное разрешение споров». Хронологические рамки пятого этапа — эпоха Новейшего времени.

Литература

1. Теория государства и права : учебник для юрид. вузов / А.И. Абрамова [и др.]; под ред. А.С. Пиголкина. М., 2003.
2. Васильев А.М., Михайленко Н.М. Роль правового обычая в правовой культуре общества (на примере Северного Кавказа) // История государства и права. 2015. № 16. С. 7–11.
3. Власенко Н.А., Чернышова Т.В. Примирение и право // Журнал российского права. 2012. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Гавриленко В.А. Вопросы истории третейского разбирательства споров (Древний мир и Средние века). URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=1&art=394>
5. Давыденко Д.Л. Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров (по праву России и некоторых зарубежных стран) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
6. Давыденко Д.Л. Из истории примирительных процедур в Западной Европе и США. URL: http://www.mediators.ru/rus/about_mediation/literature/text6#13
7. Евсеев А. Медиация — универсальная технология решения споров // Медиатор. Внесудебные процедуры — альтернативное урегулирование споров — примирение сторон. URL: <http://mosmediator.narod.ru>
8. Карпович О.Г. Конфликты цивилизаций и права человека // Юридический мир. 2011. № 12. С. 46–49.

Об истоках правосудия на Руси

Колоколов Никита Александрович,
судья Верховного Суда РФ (в отставке), доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин МПГУ (г. Москва)

В издательстве «Норма» анонсировано издание солидного 9-томного труда «История суда и правосудия в России». В 2016 году свет увидел 1-й том — «Законодательство и правосудие в Древней Руси (IX — середина XV века)». Анализируя данную книгу, автор статьи рассуждает на тему истоков российского правосудия.

Ключевые слова: государство, государство Древняя Русь, суд, правосудие, судопроизводство.

On the origins of justice in Russia

Kolokolov Nikita Alexandrovich,
a judge of the Supreme Court (retired), Doctor of Law,
Professor of Criminal Law Moscow State Pedagogical University (Moscow)

The publishing house "Norma" announced publication of a solid, 9-volume work "The history of the court and justice in Russia". In 2016 saw the light the first volume of "Law and Justice in Ancient Rus (IX — the middle of the XV century)". By analyzing this book, the author discusses on the origins of the Russian justice system.

Key words: the state, the state Ancient Rus, the court, justice, trial.

С того момента, как человечество пережило когнитивную революцию¹ (если проще: научилось мыслить), его история — эволюция организации государственной власти, составным элементом которой является власть судебная. Иное немислимо, ибо большое — общество — всегда система, а таковая не только элементы, но и связи. Самая эффективная в рамках единой коммуникативной ситуации связь — власть государственная.

Государственную власть человек не выдумал, она свойственна биологической и социальной природе человека, является необходимым условием функционирования политического общества, средством всеобщей связи между людьми. Государственная власть — «символический посредник», обеспечивающий выполнение ими взаимных обязательств.

Судебная власть — разновидность государственной власти, особые общественные отношения, возникновение и существование которых обусловлено способностью социума при необходимости генерировать механизм разрешения конфликтов на основе им же выработанных норм права.

Судебная власть не существует вне нормативного регулирования; аппарат судебной власти (суды, судебные системы) опосредует судебную власть в правосудии (процессах),

его результатах (судебных актах); зачастую суд является животворящим источником права (прецеденты, правовые позиции).

Судебная власть в виде уникальной публичной функции государства проходит эволюцию от ее выделения из совокупности прав и обязанностей монарха до сложных судебных систем, свойственных развитым правовым порядкам. Инкорпорация интернациональных норм и правил в национальные правовые системы, учреждение транснациональных судов — результат информационной революции и глобализации.

Мы традиционно исходим из того, что судебная власть суть феномен, то есть явление далеко не познанное, однако, как и прочие виды власти, данное нам в ощущение, о чем уже неоднократно писали². Достаточно внимания нами было уделено и истории судебной власти в целом, судебных систем, суда в частности³.

² См. подробнее: Колоколов Н.А. Судебная власть: о сущем феномена в логосе. М. : ИГ «Юрист», 2005. 560 с. ; Его же. О праве, суде и правосудии (избранное) М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 687 с. ; Его же. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М. : ИГ «Юрист», 2010. 400 с.

³ См.: Суд в России / под ред. Н.А. Колоколова. В 2 т. М. : ИГ «Юрист», 2007 ; История судебной системы России / под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 471 с. ; История государства и права России / под ред. Н.А. Колоколова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 431 с. ; Колоколов Н.А. Право современной России: истоки и современность // История го-

¹ Когнитивный (лат., фр., нем. — понимать, сознавать, мыслить). Речи идет о революции сознания, см. об этом: Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. 2016. 520 с.

Сказанное должно убедить читателя, что анализ эпического труда, подготовленного научным коллективом РГУП под руководством в первую очередь профессора В.М. Сырых, вменен нам *ex officio* (по обязанности). При этом, выходя на страницы юридической литературы, мы не ставим перед собой цели подготовки классической рецензии. Содержание данной статьи не более чем попытка поделиться самыми первыми впечатлениями от прочитанного.

Наши рассуждения начнем с того, что информация о судебной власти (суде, судьях, судопроизводстве), в том числе и в России, есть, ее только нужно собрать, упорядочить и представить в виде четкого и исчерпывающего описания взаимодействия различных аспектов этого феномена в российской истории и современном его понимании.

Нужны ли современному читателю знания по истории вообще, по истории суда в России, в частности? Очевидно, что данный вопрос носит сугубо риторический характер. История — важнейшая из наук. Правда, учительница она неважная, мало чему учит, зато надзирательница — отменная. Что касается строгости назначаемых ею наказаний, так смерть отдельных членов общества — самая мягкая кара, к которой история их приговаривает.

О российском суде слогом древним и языком современным написано предостаточно, как, впрочем, и об истории государства в целом. Однако, несмотря на наличие «ароматной», подробнейшей, в 12 томах «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (1816–1817), читатель спустя всего два столетия с удовольствием зачитывается первыми выпусками 9-томника «Истории Российского государства» Б. Акунина (2013–2017), даже невзирая на то, что некоторые критики встретили это творение весьма прохладно.

Анализируемое в данной статье творение РГУП (8/9 из которых предстоит написать) авторы поименовали «История суда и правосудия в России». Насколько название удачно, судить читателям. Лучше бы смотрелось: «История суда в России» или «История правосудия в России». Иначе получается,

сударства и права. 2014. № 3. С. 34–40 ; Его же. Эволюция судебной власти: историко-правовой аспект. Суд в России и в СССР // История государства и права. 2016. № 15. С. 22–26 ; Его же. Эволюция судебной власти: историко-правовой аспект. Суд в условиях современности // История государства и права. 2016. № 12. С. 60–63.

что понятия «суд» и «правосудие» не взаимосвязаны, существуют как бы сами по себе. Возможно, авторы хотели сначала описать «суд» — учреждение, а затем его деятельность — «правосудие».

Издание планируется построить по классической схеме: последовательное, от тома к тому, описание истории российских судебных учреждений и характерных для них процессуальных практик (В.В. Ершов, В.М. Сырых. Предисловие, с. 7–15).

Введение к анализируемому тому, на наш взгляд, чрезмерно кратко (С.А. Колунтаев, с. 16–19). Научную дискуссию о месте и роли суда, наверное, следовало бы начать с изложения идеологии славян эпохи Средневековья. Общеизвестно, что к правовой культуре того времени невозможно приблизиться, располагая только традиционными средствами и методами, разработанными в Новое и Новейшее время. Совокупность понятий, используемых людьми IX–XVI веков, немислима вне теологического дискурса. Символизм в мышлении славян был обусловлен отсутствием у человечества самых элементарных знаний о природе: неудивительно, что мифологизированы были даже те явления, которым в наши дни имеется самое простое и незамысловатое объяснение.

Например, что такое свет? Наши современники уверенно ответят: это электромагнитное излучение. Пусть читатель задумается, как бы на данный вопрос ответили наши предки в конце первого тысячелетия после Рождества Христова. Скорее всего: что-нибудь божественное. Так и в основе организации государства славяне видели Промысел Божий, неудачи во всех делах объяснялись действием темных сил, утратой Божественного заступничества. Правы те авторы, которые согласны с тем, что «вопрос о власти, происхождении ее никогда не был отделен от религиозных мотивов»⁴.

Если история государства и права российского насчитывает более тысячи лет, то возраст аналогичных цивилизационных проявлений человечества приближается уже к пяти тысячам лет. К тому моменту, когда на карте Восточной Европы появилась Древняя Русь, успело возникнуть и умереть не одно некогда могучее государство, каждому из которых была свойственна определенная модель правосудия. Поскольку в природе ничто не исчезает бесследно, памятники права, созданные

⁴ Золотухина Н.М. Зиновий Отенский о власти, праве и правосудии. М. : НОРМА, 2015. С. 24.

нашими бывшими ближними и дальними соседями, став бесценным достоянием земной цивилизации, обязательно переходят по наследству ко многим, пусть далеко не всегда благодарным, потомкам.

Российская государственность зародилась в VI–VII веках на путях «из варяг в греки», «из варяг в персы», а затем и «из варяг в арабы». Именно тогда славянские народы впервые впитали в себя азы в первую очередь европейской правовой культуры, опирающейся на «бастион» права Римского. Более тысячи лет минуло с момента крещения Руси. Распространение ортодоксального христианства на ее народы в значительной мере предопределило ход дальнейшего развития государственности, ее институтов, в том числе и принципов организации правосудия.

Современной европейской цивилизации известны три идеологии, послужившие базой для организации власти в государстве: либерально-демократическая, коммунистическая (социалистическая) и фашистская. На текущий момент времени побеждает первая, коммунистическая идеология и соответствующая ей форма государства практически уже прошла три стадии своего развития (генезис, расцвет и смерть), фашистская идеология опорочила себя еще на этапе зарождения.

Собственно говоря, существование независимого суда приветствует только либерально-демократическая концепция организации власти в обществе формально равных людей. Таковая в свое время была выращена в недрах реформаторского крыла католической церкви. Очевидно, что независимого суда ни при социализме (при коммунизме суд отмирает вместе с государством), ни при фашизме быть не может, ибо в основе организации общества лежит неравенство: в первом случае бесправные изгои — лица, названные эксплуататорами, их уничтожали целыми классами, во втором — изгои — целые нации, представители которых уничтожались миллионами.

Православная (ортодоксальная) церковь тоже не знает независимого суда. Да и вообще, судебные властные отношения для России не характерны, ибо для россиянина основа власти — ее вертикаль. Судья — мелкий чиновник, в советские годы даже председатель суда в районе был менее авторитетен, чем, например, прокурор, не говоря уже о начальнике милиции. Председатель суда на работу ходил пешком, а прокурора и начальника милиции возили на машине. Скажем больше, у начальника милиции был еще и многочислен-

ный аппарат, который мог к правонарушителю и силу применить.

Наряду с православием Древняя Русь, затем государство Московское, ныне Российское в свои правовые системы инкорпорировали многие нормы уникального права Византии, в первую очередь права публично, в том числе и уголовного.

Ход нашего поступательного развития в лоне европейской правовой культуры (пусть и на ее глухих окраинах) на три столетия был прерван «татаро-монгольским нашествием». Фактическая утрата Русью независимости (XIII–XV века), не только способствовала консервации устаревших правовых идей, но и в определенной мере привела к трансформации режима государственного правления по образцу эффективных в военном отношении восточных деспотий, препятствовала восприятию обществом новейших достижений в области правового строительства, получивших самое широкое распространение в Европе.

О последствиях имплементации россиянами восточных управленческих и правовых конструкций в свое время очень точно высказался М.М. Сперанский (1772–1839): законы у нас могут быть греческими и английскими, а вот управление останется турецким⁵. Сам же «турский салтан Магамет» характеризовался как воплотитель идеи справедливости⁶.

Лишь только к концу XVI века наметился возврат нашего общества в лоно европейской, в том числе и правовой, культуры. Данный процесс в силу множества причин происходил крайне медленно, а порой и болезненно. Скажем больше, начиная с Петра Первого в рамках правовой культуры наше общество было разделено на две неравные части: меньшая — европеизированная (в основном дворяне, около 3% семей) и большая — традиционно русская, народная (в основном крестьяне). Война, бесперспективная по цели, между западниками и славянофилами, причина которой — противопоставление цивилизаций, продолжается до сих пор. Если судить по п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» от 29 ноября 2016 года, то в текущий момент западники битву выигрывают, так как суды, осуществляя правосудие, должны опираться в пер-

⁵ Замечание это для некоторых до того горькое, что отечественные историки стараются о его существовании не вспоминать. Зато наша современница — Элен Каррер д'Анкосс (Зурабишвили) писать об этом не стесняется.

⁶ Золотухина Н.М. Указ соч. С. 19.

вую очередь на творения европейской правовой культуры — «Международный пакт о гражданских и политических правах» (1966), «Конвенцию о защите прав и основных свобод» (1950).

Раздел I «Историография права и правосудия», главы 1–4 (В.М. Сырых, с. 20–89) — безупречен. Относительно качеств главы 5 этого раздела (А.В. Стадников, с. 89–93) судить не смеем, так как достаточными познаниями в области историографии русского церковного судоустройства и судопроизводства не обладаем.

В параграфе 6.1 главы 6 раздела II «Ста новление и развитие государства, законодательства и правосудия в Древней Руси» С.В. Колунтаев пишет о месте и роли древних славян, их окружении в V–X веках (с. 94–116). В своих рассуждениях о генезисе государства Древняя Русь автор опирается в основном на труд А.А. Горского «Русь. От славянского Расселения до Московского царства», который цитируется пятнадцать раз. Трудно сказать, чем названный автор содержательнее, например, С.А. Нефенова, который излагает примерно то же самое. Очевидно одно: устоявшихся, а главное, честных знаний относительно происхождения нашего государства, его идеологии нет. Данная проблема имеет важнейшее значение, поскольку идеология государства — база его структуры, аппарата, в том числе и судебных учреждений⁷.

Одно дело, когда суд функционирует в относительно мирном греческом полисе, в центре могучей Римской империи, совсем другое, когда речь идет о фактически «военно-полевом суде», состоящем при армии язычников, фактически большой странствующей банде, задача которой на путях из нищих «варяг» в богатые «греки» захватить побольше рабов (славян) и обеспечить их выгодный сбыт на невольничьих рынках христианской Византии и нехристианского Востока. Готовы ли наши специалисты признать, что дело обстояло именно так? Подумаем, транспортировка любых иных товаров за тысячи километров при полном отсутствии инфраструктуры (дороги, базы отдыха, склады) даже по рекам было априори нерентабельно. А тут «ходовой» товар — рабы: сами идут, снаряжение вьюгов — своих хозяев — несут.

Параграф 6.2 (С.Б. Чебаненко, с. 116–139) посвящен формированию суда у восточных

славян. В рамках судебно-властных отношений заметную, а то и ключевую роль играет судья.

В Древнем Египте уже во времена IV династии (2682–2191 гг. до н.э.) судья носил титул жреца, тяжущихся судил беспристрастно, ибо был богат. Кто персонально был судьей в Древней Руси? Естественно, в первую очередь сам князь, однако численность населения в стране стремительно росла, жители ее были разбросаны по «городам и весям», коммуникационная инфраструктура была на грани отсутствия таковой.

В данной проблеме в свое время попытался разобраться В.И. Сергеевич (1832–1910), который пришел к неутешительному результату: судьи в Древней Руси были людьми, как правило, несвободными (тиуны — рабы) и, естественно, небогатыми. Могло бы быть иначе? Суд, точнее судебная расправа при князе — главнокомандующем армии, идущей, например, на приступ Царьграда, как была обставлена? Судят важную персону, сам князь будет разбираться. Провинилось рядовое, но свободное лицо, так до него «руки не доходили» не только у князя, но и у его ближайших сподвижников. Кто самое доверенное лицо? Ключник, тиун, в рамках как языческой иерархии, так и христианского учения раб⁸.

Ниже авторы анализируемого тома подробно излагают основные этапы развития государственности, законодательства и правосудия, пишут о противодействии агрессии венгерских и польских захватчиков, хане Батые, с «огнем и мечом» прошедшем русские земли. Безусловно, все это наша история, однако ее столь много, что сведения о правосудии в ней просто теряются. К таковому В.М. Сырых возвращается только в параграфе 7.4 (с. 189–202). Утверждается, что с IX по XV век на Руси существовало пять периодов развития правосудия: 1) догосударственный, 2) единоличного суда князя, 3) княжеских судов, 4) правосудия удельных княжеств, 5) правосудия по обновленному законодательству.

В своей концепции мы исходим из того, что право и государство, а вместе с последним и суд, возникли одновременно, следовательно, утверждать о догосударственном правосудии бессмысленно. Да, были нормы, но не права, а обычаи (понятия), на основании которых в догосударственных образованиях разрешались конфликты, но это про-

⁷ Колоколов Н.А. Идеология и политика — неотъемлемые функции судебной власти // Российский судья. 2001. № 9. С. 4–9.

⁸ См.: Сергеевич В.И. Древности русского права. Том 1. Территория и население. М., 2006. С. 98–101.

сто протоистория, квазисуды. Аналогичные институты существуют и в наши дни, например, судьи спортивные, суды товарищеские, чести офицерской, есть таковые и в рамках теневого права.

Возникает вопрос, как отграничить протоправосудие и квазисуды от правосудия, осуществляемого государством? Здесь вспоминается софизм «куча», суть которого заключается в отсутствии разумного обоснования трансформации «кучи» в ее подобие путем изъятия из нее мелких частей. Думается, что такая граница между союзом общин, племен и государством — категория весьма условная. Петр I провозгласил себя императором, но только Екатерине II, да и то не сразу удалось убедить короля Франции признать ее за равную, причем ее императорские регалии писались на латыни, а не на французском языке.

Так с какого же года Русь стала государством? Когда она обзавелась всеми необходимыми для этого атрибутами? Скорее всего, с того момента, как государством она была признана в окружающих странах. Само собой разумеется, что явление это, как, впрочем, впоследствии принятие христианства, было далеко не одномоментным. Очевидно только то, что начиная с 988 года миропонимание славян было следующим: Бог «на небесах». На земле Помазанник Божий — князь, царь, генеральный секретарь, президент, все остальные, пусть и иерархизированное, но единое целое — подданные, рабы божьи. Законы писанные силу обретают только в случае санкционирования их представителем Бога на земле. Верховный судья — сам Господь, «он не доступен звону злата, и мысли и дела он знает наперед». Суд земной — учреждение авторитетное, если его вершит наместник Бога на земле.

Во всех иных ситуациях авторитет суда был невелик. Как известно, статус судьи напрямую зависит от его функции, если таковая малозначительна, то и статус судьи ничтожен, таковым он официально и оставался как минимум до 1864 года. Каков реально статус судьи в современных условиях, просвещенный читатель, безусловно, знает. Тема эта находится за рамками настоящей статьи, однако бесспорно то, что похвастать славной историей на уровне легенды «о щите на вратах Царьграда» российская юриспруденция не может.

В разделе III излагается общеизвестная информация о становлении основных институтов права Древней Руси (с. 203–296).

Раздел IV назван «Правосудие Древней Руси». В главе 11 пишется о применении ретроспективного метода (В.М. Сырых, с. 297–303). Мы полностью солидарны с тезисом авторитетнейшего методолога — Владимира Михайловича о том, что отсутствие информации в отечественных источниках отчасти можно компенсировать сведениями из источников других стран.

Помнится, мой первый учитель по истории права СССР и МССР П.В. Советов, знавший ряд языков, даже в советские годы «рывшийся» в зарубежных архивах, любил повторять: нащупываем историческое событие, берем его «в вилаку», выявляя аналоги, например, в Византии, Турции, Румынии, Венгрии и Польше.

Глава 12 «Судоустройство Древней Руси» — для нас принципиально нового ничего.

Глава 13. «Общие вопросы судопроизводства Древней Руси» (В.М. Сырых, с. 336–358) — весьма спорна. Трудно сказать, насколько уместно сравнение процесса средневекового с современными процессуальными кодексами, произведениями века XIX, на совершенно ином уровне идеологического развития. Автор — убежденный материалист (так он сам себя позиционирует), о божественном нимбе, сияющем над судом, в Средние века у него ничего. При этом констатируется, что истину суд не мог установить, ибо опирался на формальные доказательства. Думается, установление истины любому суду под силу, именно это его качество во все времена и определяло популярность данного института. Естественно, что технические возможности судопроизводства средневекового суда были невелики. Ему приходилось: пытаться всех подряд от заявителя до подозреваемого да «гадать на кофейной гуще», проводя ордалии и поединки. Об этом пишется в параграфе 15.6 «Суд божий как особая стадия судебного разбирательства» (В.М. Сырых, с. 422–427).

Главы 14 «Система судебных доказательств Древней Руси» (В.М. Сырых, с. 358–393), 15 «Судопроизводство и исполнение решений» (с. 39) и 16 «Церковное судопроизводство и судоустройство Древней Руси» (с. 436–444) — выдержаны в классическом стиле.

Особый интерес представляет глава 17 «Эффективность правосудия Древней Руси» (Сырых В.М., с. 444–451), автор в истории пытается раскрыть то, что до сих пор не открыто в принципе. Наверное, суждение «Суд был неэффективным с точки зрения качества пра-

восудия, поскольку не обеспечивал высокий уровень вынесения правосудных и справедливых решений», далеко не беспочвенно. Однако очевидно и то, что суд существовал из века в век, пожалуй, это его долголетие и есть показатель эффективности.

Заключительный раздел V «Правосудие периода политической раздробленности Руси (XII–XV века) посвящен событиям пусть и древним, но уже в той или иной мере осве-

щенным в юридической литературе (с. 452–625).

Основной научно практический вывод. Эпопея «История суда и правосудия в России», конкретно том первый «Законодательство и правосудие в Древней Руси (IX — середина XV века)» заслуживают внимания взыскательного читателя, интересующегося жизнью нашей Родины, эволюцией ее государственных институтов.

Литература

1. Колоколов Н.А. Судебная власть: о сущем феномена в логосе. М. : ИГ «Юрист», 2005. 560 с.
2. Колоколов Н.А. О праве, суде и правосудии (избранное). М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 687 с.
3. Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М. : ИГ «Юрист», 2010. 400 с.
4. Суд в России / под ред. Н.А. Колоколова. В 2 т. М. : ИГ «Юрист», 2007.
5. История судебной системы России / под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 471 с.
6. История государства и права России / под ред. Н.А. Колоколова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 431 с.
7. Колоколов Н.А. Право современной России: истоки и современность // История государства и права. 2014. № 3. С. 34–40.
8. Колоколов Н.А. Эволюция судебной власти: историко-правовой аспект. Суд в России и в СССР // История государства и права. 2016. № 15. С. 22–26.
9. Колоколов Н.А. Эволюция судебной власти: историко-правовой аспект. Суд в условиях современности // История государства и права. 2016. № 12. С. 60–63.
10. История суда и правосудия в России. 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. М. : Норма, 2016. Т. 1. Законодательство и правосудие в Древней Руси (IX — середина XV века) : монография / отв. ред. С.А. Колунтаев, В.М. Сырых. М. : Норма, 2016. 640 с.